

Гай Юлий Орловский

Фич@рд

Длинные Руки —
майордом

В бой!
В бой,
Boys!

Ричард Длинные Руки

Гай Орловский

Ричард Длинные Руки – майордом

«ЭКСМО»

2008

Орловский Г. Ю.

Ричард Длинные Руки – майордом / Г. Ю. Орловский —
«Эксмо», 2008 — (Ричард Длинные Руки)

ISBN 978-5-699-31566-6

Ричард Длинные Руки велитшить на белые плащи всем рыцарям, что идут с ним, большие красные кресты. На той стороне Великого Хребта беззаботно раскинулось богатое и развращенное королевство. Там магия на каждом шагу, в моде черные мессы, потому церковь просто обязана нести туда культуру и духовность на остриях мечей и копий! Но что делать, если тщательно продуманный план вторжения разбивается вдребезги?

ISBN 978-5-699-31566-6

© Орловский Г. Ю., 2008

© Эксмо, 2008

Содержание

Часть 1	5
Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	27
Глава 6	31
Глава 7	36
Глава 8	41
Глава 9	46
Глава 10	50
Глава 11	55
Глава 12	60
Глава 13	64
Глава 14	68
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Гай Юлий Орловский

Ричард Длинные Руки – майордом

Часть 1

Глава 1

Огромное разбухшее солнце, багровое и в темных пятнах усталости, сползает по раскаленному небосводу медленно и тяжело, как яичный желток по накренившейся сковороде. Коснувшись темной земли, лопнуло и, продолжая опускаться, растеклось по линии горизонта огненной лавой, пропитывая угасающим жаром.

Я смотрел на закат бешеными глазами. Разве там пламя, вот во мне да, куда там недрам Солнца. Жжет так, хоть криком кричи. На людях делаю морду каменной, иногда выжимаю милостивую улыбку, но обида сжигает внутренности, там уже одни раскаленные угли.

– Сын мой, – донесся со спины мягкий голос, – Господь избрал тебя для тяжелой ноши...

Я не оборачивался, не могу смотреть в сочувствующие глаза великого инквизитора. Воздух накатывается снаружи теплый, наполненный запахами степных трав и горячей пыли, а мне бы сейчас снега в рыло, растоплю собой все ледники Антарктиды и в одиночку устрою им, гадам, всемирное потепление.

– Мы ждали от него неприятностей, – проговорил отец Дитрих мягко, – но, если честно, сэр Ричард...

Я наконец повернулся, отец Дитрих тоже на балконе, сидит за столом, но не в роскошном кресле, а на стуле с прямой спинкой. Великий инквизитор никогда не позволяет себе расслабиться, ощутить себя простым человеком, всегда следит за собой, за каждым словом и жестом. Сейчас в его руке золотой кубок прекрасной работы, отец Дитрих рассеянно поворачивает его в ладони, с церковным спокойствием рассматривая драгоценные камешки, их целая россыпь, лицо отрешенно-спокойное.

Пес спит у его ног, подлый предатель. Всего лишь потому, что отец Дитрих рассеянно почесывал ему спину до того, как он вконец разомлел и заснул.

Я сказал тоскливо:

– Да знаю, знаю!.. Никто не ждал.

– Выругайтесь, сэр Ричард, – посоветовал отец Дитрих. – Молитва дает утешение, а ругань – облегчение. При мне можно. Инквизиторы – что лекари. Только лекари лечат всего лишь бренное тело, а мы – бессмертную душу.

– Мне лечить нечего, – огрызнулся я. – Какая душа? Один пепел. Будто инквизиторы полечили...

– Все проходит, – произнес он с утешением и грустью. – Все проходит... Великие слова!

– Ну уж нет, – ответил я зло. – Во мне все еще тот вулкан! Я этому Ульфилле теперь враг по гроб жизни. Никогда не прощу! Он у меня не Армландию, не королевскую или императорскую корону увел, а... женщину!

Отец Дитрих кротко вздохнул.

– Все понимаю. Думаете, у меня порой чувства не забегают вперед?

– Придушу собственными руками!

– Придушите, – согласился он кротко. – Мне он тоже... неприятен. Да и опасен. Люди с одной только чертой или страстью опасны. Сильные – опасны втрое. Но в данном случае он сотворил благо. Постепенно ваша кровь перестанет кипеть уязвленной гордостью. Займетесь

делами провинции... а еще лорды перестанут пытаться умыкнуть у вас эту женщину. Пусть теперь Ульфилла с нею мучается.

Я помотал головой. Боль нахлынула с такой силой, что разом заболели все зубы, а самый большой острым клыком впился в сердце.

– Он как раз не будет мучиться, сволочь!.. Она ж в монастырь устремилась!..

Он сказал утешающее:

– Сэр Ричард, постарайтесь увидеть преимущества в том, что стряслось.

– Какие к черту преимущества! – выкрикнул я со злостью.

– Еще какие, – возразил он. – Обиженные вами Арлинг, Кристофер, Рикардо и даже граф Ришар за это время снова начали потихоньку собирать войска. Они гордые люди, не смирились с тем, что отобрали еще и женщину... Мужчина с многим готов смириться, но, как видите по себе, потеря женщины – невыносима! Но сейчас, как вы говорили еще в первый день, когда увидели Лоралею, предмет раздора убран.

Я с силой ударил кулаком в раскрытую ладонь.

– Их гнев будет направлен на отца Ульфиллу?

– Не думаю, – ответил отец Дитрих с некоторым сожалением, в котором вряд ли признался бы даже себе. – Дело даже не в том, что он – священник, а у священников не отнимают. По крайней мере, рыцари. Уже всем известно, в том числе будет известно и прошлым мужьям Лоралеи, что не увез ее себе. Она прониклась речами и добровольно решила стать невестой Христовой. Это повыше, чем быть женой даже короля. Не будете же с Господом спорить, как спорили с графом Ришаром?

Я сел за стол, кубок с нетронутым вином сиротливо ждет меня в одиночестве. Свой отец Дитрих не выпускает из руки, смакует, отпивает крохотными глотками. Кагор – единственное вино, которое церковь допускает к употреблению даже в священных таинствах, но отец Дитрих мог бы и любое другое: церковники высшего ранга могут позволить себе больше, чем рядовые священники, без опасения скатиться в житейские будни.

– Сейчас я готов спорить с кем угодно, – ответил я хмуро. – Даже с Господом.

Отец Дитрих с некоторой опаской взглянул на озвездившееся небо.

– Сын мой, уважай ее выбор. Это впервые не выдавали замуж родители, не отнимали друг у друга лорды... Она сама, понимаешь?

– А что от понимания толку? – огрызнулся я. – Еще обиднее. Ушла бы от графа – другое дело. А то – от меня!

Легкая улыбка тронула его тонкие бледные губы.

– Сын мой, взгляни на это иначе. От виконта она могла перейти к барону, от барона – к графу, а от тебя... Понял?

Я тоже искривил губы в вымученной улыбке.

– Спасибо, святой отец. Но я не настолько заношусь. Конечно, заношусь, но все-таки не пьянею от своей значимости.

– Вот и хорошо, – произнес он со значением. – Гроссграф не должен пьянеть ни от женщин, ни от власти.

– Да, – буркнул я. – Вам хорошо, ведьм на дыбу, потом на костер... Все просто!

Над миром сгущается ночь, однако под нами весь двор крепости залит огнями факелов и светильников. Смола полыхает и в бочках, доносится перестук молотков, конское ржание, грубые мужские голоса и мягкий женский говор. Я не смотрел вниз, все знакомо, кончики пальцев ощущают тончайшую чеканку кубка, ноздрей коснулся пряный аромат вина.

Отец Дитрих проговорил мирно:

– А ты не замечал, что нам ставят в вину истребление ведьм, но не обращают внимание, что на костер идут и ведьмаки? Ни разу даже не упомянули! А ведь мужчин во всех противоправных действиях всегда больше! Но их истреблять как бы можно, за них никто в глаза пал-

кой не тычет. А вот женщин... Их мы всегда готовы прощать. Любых. Но где справедливость и равенство перед лицом Господа?..

– Нет на свете справедливости, – ответил я тоскливо. – Была бы... Ульфиллу бы черти взяли.

– И ты, сын мой, снова забыл бы про обязанности государя, – произнес отец Дитрих скорее сочувствующе, чем осуждающе, – и бегал бы вокруг башни с выпученными глазами и мечом в руке, охраняя свое сокровище.

– Бегал бы, – согласился я. – Но я все-таки занимался и делами!

– Кстати, – сказал он, глаза посуровели. – Поговорим о делах. Поползли слухи, что вы, сэр Ричард, собрали огромное войско у подножья Хребта... Что намереваетесь с ним делать?

Огонь в переносном светильнике в углу балкона полыхает так ярко, что лицо инквизитора то высвечивается необыкновенно резко и четко, то с порывом ветра уходит в полутень, когда вижу как бы резкий набросок углем лица человека решительного и бескомпромиссного.

Я постарался оттеснить пылающий образ Лоралеи чуть в сторону, перекрестился и сказал с привычным лицемерием политика:

– Во славу Господа!.. На той стороне Хребта нечестивый король Кейдан правит таким же нечестивым королевством Сен-Мари. Я там был, у меня там даже большой участок в окрестностях города Тараскон. В личном пользовании, а права собственности там священны. Даже верховный лорд не может отобрать... да что там лорд, король не сможет! Знаете, как родилась поговорка «Есть еще судьи в нашем королевстве»?

– Нет, – спросил он настороженно, – но, если не увильваете от прямого вопроса, расскажите.

– История любопытная, – начал рассказывать я. – Прусский король Фридрих Великий задумал построить в живописном постдамском парке дворец Сан-Суси, но ему мешала выстроенная ранее там мельница. Мельник, простой мужик, отказался ее снести и подал на короля в суд, который и выиграл.

Он сказал все еще настороженно:

– Очень хорошо. Перед Господом все равны, хорошо бы, чтобы все суды это поняли. А что здесь нечестивого?

– Это как раз хорошо, – согласился я, – но там в терпимости и толерантности зашли, на мой взгляд, далековато.

– В чем именно?

– Все люди рождаются свободными, – сказал я, – и права у них одинаковые. Когда Адам пахал, а Ева пряла, кто был сеньором?.. Но что вы скажете насчет равных прав на поклонение своим богам, на все ереси, на черные мессы...

Он отшатнулся в отвращении.

– Этого не может быть!

– Это есть, – сказал я твердо. – По ту сторону Хребта. Я все это видел, отец Дитрих. С одной черной мессы едва унес ноги. Кроме того наблюдал, как люди вполне уживаются с троллями. Сам не видел, но говорят, у троллей свои храмы, где они приносят жертвы своему жуткому богу...

– Этого не может быть, – повторил он уже медленно. Щеки залила смертельная бледность. – Так во всем королевстве?

– Где-то лучше, – ответил я, – а где-то и хуже, чем вот я сказал.

– Даже хуже?

– Увы, да. И что теперь?

Он вскочил, огромная черная тень метнулась по стене, отец Дитрих взволнованно заходил взад-вперед по комнате.

– Для этого, – спросил он быстро, – вы и собрали войско?

– Да, – ответил я, не моргнув глазом. – Надо выжечь очаги неверия, разрушить чужие храмы и утвердить святое распятие над развалинами неправильной религии!.. А они все неправильные, раз не наши. Вообще-то это наш святой долг, к которому, кстати, подталкивает и необходимость.

– Да-да, сын мой!.. Ты – настоящий сын церкви!

Я умолчал, что имею в виду совсем не ту необходимость, о которой думает он, пояснил:

– Сейчас готовлюсь открыть Тоннель под Хребтом... не помню, говорил ли вам о нем... во всяком случае, со всех брал клятву молчать... Как вы понимаете, если Тоннель открыть, но не обезопасить, нечестивое воинство короля Кейдана тут же хлынет в наши святыне... ну, пусть не совсем святыне, но все же благочестивые земли. Тут даже люди попадают благочестивые, да. Потому, отец Дитрих, вам придется оставить приятное развлечение, я имею в виду допросы и затопление ведьм...

Он поморщился.

– Что вы мне все тычете этих ведьм? Вы же знаете, молодых ведьм не бывает, а вот к старости большинство женщин ими становятся! Думаете, приятно возиться со злобными старухами?

– Молодых не бывает? – удивился я. – А я слышал...

Он отмахнулся.

– Слухи. Басни. Легенды. Мужские мечты... так что вы хотите от меня?

– Я сказал, – повторил я, – что вам надо бы на время оставить допросы и сжигание ведьм, а нужно поработать над воинским духом вторгателей.

– Вторгателей?

Я развел руками.

– Лучшая защита – нападение. Мы поднимем святое знамя защитников истинной веры, все остальные – неистинные, и первыми пройдем через Тоннель. На той стороне расположимся в герцогстве Брабант, оно контролирует участок земли с подступами к Тоннелю. Герцог Брабантский, напоминаю, мой отец. Для вас, святой отец, работы будет невпроворот...

Он сказал взволнованно:

– Да-да, если там такое творится...

– И не только, – добавил я.

– А что еще?

– Герцогство Брабантское хоть и почище остального королевства, но тоже уступает в христианском рвении людям Армландии.

Из слабо освещенной комнаты бесшумно вынырнул слуга с медным кувшином. Осторожно и опасливо обойдя спящего Пса, нацелился взглядом на опустевшие кубки, однако отец Дитрих нетерпеливым жестом отослал прочь. Лицо его из озабоченного и взволнованного стало рассерженным.

– Как можно такое?

Я развел руками, чувствуя себя виноватым, что в мире не все идет гладко.

– Да. Хотелось бы, чтобы вера Христа, поправ язычество и утвердившись, цвела и развивалась... как оно и должно. Но почему бывает так, что люди от хорошего обращаются к плохому, не знаю. Что-то в нас самих есть такое... Даже эдакое.

Он тяжело вздохнул.

– Сын мой, ты уже привык, но скажу тебе, что для Зорра даже ваша Армландия – страна порока и разврата. А уж что ждет по ту сторону Хребта... если верить тебе, а не верить нет оснований, меня ужасает и наполняет великой скорбью. Боюсь, придется привлечь намного больше проповедников, чем у нас есть!

– Привлекайте, – сказал я решительно. – Мы должны нести слово Христа в массы. И высокую культуру на лезвиях наших острых мечей.

Он кивнул, лицо медленно принимало деловое выражение.

– Уже привлекаю. Я просил Ватикан прислать мне носителей слова Божьего как можно больше. Даже не из Ватикана, а из земель поближе.

– Ого, – сказал я пораженно, – я ж вам вроде бы не говорил про Тоннель!

– Говорили или нет, – ответил он отстраненно, – не это неважно. Инквизиция должна везде иметь свои уши, сэр Ричард, уж не обижайтесь. Главное, чтобы не нам навязывали свой образ жизни и свой строй мыслей, а мы.

– Потому что с нами Бог, – сказал я.

– Истинно, – ответил он и перекрестился.

Пламя светильника перестало метаться, отец Дитрих вернулся к столу и тяжело сел на стул. Взгляд его снова стал строг и взыскующ. Я в ответ растянул губы в примирительной улыбке.

– Да, понимаю. В конце концов, работаем на одну цель.

Глава 2

Над миром царила бархатная ночь, серебряный диск величаво выплыл из-за края земли и как пузырек воздуха в плотной воде неспешно поднялся в зенит. Мы с отцом Дитрихом утрясли основные задачи, я вежливо проводил его до выхода из донжона, что уже не донжон, а дворец, а когда вернулся в покои, снова стало трудно дышать, сердце всколотилось, как бешеное.

Нечто злое, которое не хочу называть вслух, стыдно, бросало меня чуть ли не бегом назад-вперед, я сжимал кулаки и шепотом богохульствовал, не решаясь рухнуть в постель, все равно вскочу и буду рычать в бешенстве.

Если бы ярость убивала, Ульфилла уже тысячу тысяч раз бы горел в огне, вопил, насаженный на кол, ему бы выпускали кишки и наматывали медленно и сладострастно на ворот, постоянно спрашивая, в восторге он или еще нет.

Конечно, я тогда сгруппировал, сказав Лоралею, что отец Ульфилла ближе к Господу, чем я. Непримиримость и жесткое следование всем Божеским заповедям – вовсе не значит, что это понравилось бы Богу больше, чем мое мягкое правление, в самом деле мягкое. Ульфилла готов изничтожить всех ведьм и еретиков на свете, я тоже вообще-то не против, но тогда вообще людей не останется. Все мы в чем-то да еретики. Бог это прекрасно понимает, потому снисходительность к нам, таким придуркам, у него идет едва ли не раньше, чем справедливость.

Ульфилла видит в Боге только карающий несправедливость и неправду меч. Это вообще-то верно, но не совсем, потому что прощения в Боге не меньше. Даже больше, намного больше. Я хоть и не умею еще прощать, но... прощаю, переступая через себя, Ульфилла – нет. Я кого-то караю, кого-то прощаю, так что к Богу ближе я, а не Ульфилла, который умеет пока только карать...

Я рухнул на ложе, в голове тысячи мыслей, и все о том, как вернуть Лоралею. Измучившись, где-то под утро забылся тяжелым сном, там меня давили, душили, гонялись, били. Я орал и дрался, а когда поднял веки, закрываясь ладонью от бьющего в глаза света, ощутил наконец обреченно, что Лоралею в самом деле не достать, не вернуть, уже никогда не держать ее теплое нежное тело в моих жадных ладонях...

От этой мысли взвыл, велел испуганным слугам подать вина и, не вставая с ложа, жадно опустошил два кубка. Странно, вино не принесло облегчения душе, только замутило сознание, однако через полчаса сработало иначе, меня пронесло трижды с промежутками в две-три минуты, во двор я вышел чистый, ясный и трезвый, как стеклышко.

Двор еще дышит утренней свежестью, но верх стен и башен нещадно горит золотом так ярко, словно солнце залило их небесным металлом высшей пробы. Во дворе шум и гам, как на восточном базаре. Я прошел к конюшне, отстраняя бросившихся ко мне с просьбами, жалобами и мольбами: у нас есть закон, есть правила – живите по ним. Нехорошо, если все зависит от воли правителя. Да и какая мне радость разбирать их жалобы?

Из подвала типографии вышел отец Дитрих. Молодой священник, как цыпленок, суетливо забегает то справа, то слева, записывает что-то, а инквизитор говорит медленно и внушительно. Я пошел к ним, священник быстро взглянул на меня и пропал, словно испарился.

Отец Дитрих внезапно остановился, рассматривая что-то на тыльной стороне ладони.

– Бог такой же великий художник, – сказал он негромко и едва шевеля губами, – в малом, как и не меньший – в великом... Не перестаю дивиться его чувству вкуса.

На фаланге среднего пальца сидела, прихорашиваясь, большая пестрая бабочка. Отец Дитрих смотрел на нее с доброй улыбкой на строгом аскетичном лице.

– Над бабочкой постарался, – согласился я. – Это уже потом, когда нас творил, то устал, делал наспех...

Он нахмурился.

– Сын мой, – в голосе инквизитора прозвучало предостережение, – даже в шутку не стоит говорить о таких вещах. Есть деяния, над которыми не шутят. По определению.

– Простите, отец Дитрих, – сказал я покаянно, – я из страны, где над всем привыкли стебаться, чтобы выказывать свою крутость. Если не стебешься, то как бы и не круть... Вообще-то я надеюсь, что Господь и нас творил с любовью и тщанием. Хотя бы... как эту бабочку.

– С особым тщанием, – поправил отец Дитрих. – Ведь по своему образу и подобию! Это не случайно подчеркнуто. А кому много дано, с того много и спросится.

Мне почудился в его последних словах явный намек, я теперь их везде вижу, ответил скорбно:

– Ну вот, отец Дитрих, и вы тоже!.. Только я хотел расслабиться... нет-нет, не в том смысле, желудок и кишечник у меня уже в порядке, надеюсь... Я имел в виду, перестать корчить из себя человека и малость превратиться в животное. Это называется отдохнуть, побалдеть, подурчиться, покайфовать...

Он в удивлении покачал головой.

– Что значит возраст: я и слов таких не слыхал! Молодежь придумывает свой язык... Странно, что стремятся отдыхать как раз те, у кого полно сил, а пользу спешат принести старики.

– Старики не выпрыгивают из стен, – возразил я, – откуда-то же да берутся? Работающие старики – это те полные сил дуралеи, что пьянствовали и таскались по бабам. А когда спохватились... гм... уже старики. Они как бы искупают свои прошлые грехи!

Он вздохнул.

– Как хорошо, что ты, сын мой, это понимаешь.

– Отец Дитрих, – сказал я укоризненно, – не ловите меня на слове! Я все понимаю, но не значит, что и делаю. Мало ли что человек понимает... Но почему-то творит совсем не то, что понимает. Вот и я... Ничто человеческое, как говорится, мне не чуждо.

Он взглянул остро.

– Сын мой, ты все же умен... Хоть молод и плечист. Иногда у тебя бывают... проблески. Потому скажи мне, почему, когда говорят эти красивые слова насчет человеческого, имеют в виду обязательно какую-то гнусность? Гнусность или простое скотство? Почему «ничто человеческое мне не чуждо» никогда не звучит в том смысле, что кому-то захотелось почитать книгу, послушать литургию, полюбоваться чем-то прекрасным?..

Я в затруднении развел руками.

– Трудные вопросы задаете, отец Дитрих. Я же простой рядовой гроссграф, каких хоть пруд пруди... Да и инаугурацию еще не прошел.

– Кстати, – спросил он уже другим тоном, – когда это будет?

– Гонцов разослали, – заверил я. – Как только все соберутся... или не все, но большинство, то и завершим легализацию власти. Думаю, ближайшие начнут подъезжать уже через день-два, остальные прибудут попозже.

Он проворчал:

– Что-то долго они едут. Уже вопросы возникают.

– У кого?

– Да у многих.

– Дураки, – сказал я.

Он покачал головой.

– Сын мой, они не дураки, а люди, приученные к порядку. И чем быстрее завершишь вступление в свое гроссграфство, тем лучше.

– Да, отец Дитрих, я все понимаю. Не хотите ли без спешки отправиться к Тоннелю?

Он посмотрел остро.

– Ты уже наметил, когда начнешь?

– Как только, – заверил я, – так сразу. В балладах будет сказано, что это я затеял для того, чтобы утешиться от безумной любви!

Он хмыкнул, в глазах появилось одобрительное выражение.

– Я рад, сын мой, что к тебе возвращается ирония.

– Какая ирония, – ответил я тоскливо, – это сарказм. Жжет, будто ведро расплавленного олова вылакал, аки голодный дракон. Но дела, вы правы, постепенно вытеснят все... кроме дел. В принципе уже можно начинать операцию... Просто хочу подождать еще несколько дней.

– Зачем?

Я кисло улыбнулся.

– Отец Дитрих, у вас же своя разведка?

Забывать службу, твердил я себе, ради женщины непростительно. Быть пленником любви хуже, нежели быть пленником на войне. У неприятеля скорее может быть свобода, а у женщины оковы долговременны. Женщина всегда предпочтет твое рабство своей свободе. Женщина – это...

Я стукнул кулаком по стене с такой силой, что рассадил руку. Короткая боль чуть отрезвила, хрень порю, никакие из этих обвинений к Лоралее не относятся, это так, общие слова, пороки одной женщины переносим на всех. Из меня просто прет бессильная ругань, ругань бессильного. Что значит слабого. Это я – слабый...

Я развернулся и, добравшись на подгибающихся ногах до роскошной кровати, рухнул поверх одеяла из шкуры заморского зверя.

В дверь постучали, словно со злорадством ждали, когда я упаду на ложе.

– Кого там несет? – заорал я зло.

Оруженосец приоткрыл дверь и осторожно просунул голову.

– Барон Альбрехт, – сказал он виновато. – Велел передать, что знает о вашей усталости, но все-таки просит принять его.

Я со злостью поднялся, махнул рукой.

– Зови.

Дверь распахнулась во всю ширь, барон Альбрехт вошел, как всегда подтянутый и собранный, даже слегка надменный. Но на этот раз пахло чрезмерной сдержанностью, словно готовится сказать неприятность, после которой наши отношения подпортятся.

Серые глаза метнули такой острый взгляд, что я ощутил, как нечто незримое пронзило меня и высветило на стену за моей спиной мои некрасивые внутренности. Он отвесил сдержанный поклон, умудрившись вложить в него и верность вассала, и укор моему внешнему виду, и напоминание, что жизнь идет и даже скачет, выбрасывая из седла слабых и стаптывая тех, кто идет по обочине.

– Сэр Ричард!

– Барон Альбрехт, – поприветствовал я с чуть большей любезностью, ибо я хозяин, принимаю гостя в своих покоях, – вы, как всегда, с иголки...

– Это как? – спросил он.

– Не знаю, – ответил я гостеприимно. – Наверное, от портного. Вам бы еще гвоздику на левое плечо.

– На левое? – переспросил он суховато.

– Можно и на правое, – ответил я легко, – никогда не разбирался в символике. Барон, раз уж явились так неосторожно, придется испить со мной кофейку... Впрочем, можете отказаться, но я все равно вылакаю пару чашек. Спать хочу, веки чугунные...

– Простите, – ответил он холодно, – я пытался раньше, но вы всегда ускользали...

– Присядьте, барон, – сказал я любезно и указал на кресло у стола. Барон выждал, пока я сяду, хоть я и моложе, но по рангу старший, так что если речь о делах, то сажусь первым я, а если собрались выпить и почесать языки о бабах, то первым садится он. – У вас проблемы?

– Это у вас проблемы, – сообщил он холодно.

За столом он такой же собранный и ровный, напоминая отца Дитриха, только в лице меньше доброты и участия. Вернее, на лице барона Альбрехта всегда полное отсутствие доброты и участия, зато есть выражение, которое называется «падающего толкни».

Впрочем, протянутую ему чашку взял, хотя кофе пил, как мне показалось, впервые не прислушиваясь к ощущениям. Я сосредоточился, барон что-то спросил, но я жестом попросил не мешать, воскресил в памяти четкие образы, вкус и аромат... в ладонь опустилась приятная тяжесть, а ноздри уловили аромат элитного сыра. Я положил его на середину стола, снова сосредоточился, на этот раз ладонь ощутила вес побольше, я выиграл и снова закрыл глаза.

Когда на тарелке оказалось пять кусков, все разные, один даже с зеленью, я перевел дыхание и, создав еще чашку с кофе, ухватил ближайший ко мне кусок сыра.

– Угощайтесь, барон!.. Такого вы не едали.

– Благодарю.

Он с опаской взял ломоть, ноздри часто подергиваются, откусил тоже осторожно и долго держал так, пока крохотный кусочек плавился на языке.

– Научились новым заклинаниям?

Я помотал головой.

– Нет, умел и раньше. Просто сыру и так хватает, а я не привередливый. А вот кофе здесь не достать... да и получается он почему-то проще.

Он откусил снова, прислушался и сказал наконец:

– Дивный вкус... Изысканный, пряный, загадочный... Стянули с обеденного стола императора?

Я отмахнулся.

– Разве поверите, что в моем королевстве такой едят простолюдины? Ну вот и не верьте, так спокойнее... Даже мне. Сыр хорош. Смешно, но могу создавать только вот такими уже нарезанными для продажи ломтями. Наверное, потому, что целых кругов никогда в руках не держал. Что вы такой напряженный, барон?.. Что-то случилось?

Я спросил нарочито в момент, когда он откусил большой кусок. Пока жует, может продумать ответ, чтобы не прозвучало слишком обидно для меня, барон ни с кем никогда не ссорится без крайней необходимости.

Он запил глотком кофе, руки медленно опускали чашку на стол, сам барон смотрел мне прямо в глаза без особого дружелюбия.

– Сэр Ричард, – произнес он с прежним холодком в голосе, и горячий кофе не согрел, – мне кажется, вы должны нас, ваших, надеюсь, друзей, больше посвящать в текущие дела.

Я воскликнул:

– Куда уж больше, барон! Я и так открыт вам, как все двери в этой неприступной крепости!

Он поморщился.

– Двери? А что, их уже где-то вставили? Ваши слова, дорогой сэр Ричард, можно толковать по-всякому. Но, как я уже сказал, у вас проблемы.

– Какие? – спросил я с великим изумлением.

– Вы все еще не пришли в себя, – сказал он твердо и посмотрел мне в глаза, – от случившегося.

– Чего именно?

Я думал смутить его, но барон отчеканил так же твердо и не спуская с меня глаз:

– Мелкий священник увез вашу женщину. А вы, вместо того, чтобы ликовать, бросаетесь на всех. Вам уже страшатся навстречу попадаться. Слуги по углам прячутся, стыд какой! Пора, сэр Ричард, пора опомниться. Вы сейчас сильно вредите себе... И упорствуете в своих заблуждениях.

В словах барона, кроме упрёка, звучали горечь и злость, но не на меня, а как бы за меня. Я ощутил укол и в самом деле нечто такое вялое, что могло быть подобием стыда.

– Знаете, барон, – сказал я с неохотой, – я как раз обычно не стыжусь признавать свою вину!

– В самом деле? – спросил он саркастически.

Я в раздражении отмахнулся.

– Ну ладно, не люблю этого делать, а кто любит? Но напоминаю себе, что когда говорю, что был не прав, тем самым заявляю, что сегодня я умнее, чем вчера! А я люблю говорить, какой я умный. От вас, гадов, разве дождешься?

Он посмотрел с удивлением, подумал, в глазах проступило нечто вроде уважения.

– Интересный взгляд, – проговорил он все еще холодно. – Если человек говорит, что он был прав, значит, такой же дурак, каким был и вчера?

– По крайней мере, – огрызнулся я, – не поумнел!.. Знаете, барон, это все интеллигентские мерехлюндии, а мы с вами люди дела, что значит – меча и щита. И топора, конечно! Как же без него, родимого... Нужно думать, как провести через Тоннель и быстро разместить на той стороне войско. Думаю, нужно сперва все-таки пешеходов...

– Совершенно верно, – согласился он немедленно, словно за этим и шел, но поглядывал на меня по-прежнему настороженно. – Конница догонит позже. Судя по привезенной вами карте, довольно долго придется двигаться по сравнительно пустым местам. А вот когда подойдут к городам Безансон, Шарни и Ланнуа, тут их и догонит тяжелая рыцарская конница. Вы поведете лично?

Я покачал головой.

– Нет.

– А что на этот раз?

– Ничего хитрого, – ответил я хладнокровно. – Войско поведет великий и прославленный полководец... надеюсь.

Он спросил настороженно:

– Это кто? Не сэр Растер, надеюсь тоже? Воин из него прекрасный, но как полководец... думаю, все еще рано ему в высокие ряды. Десятком командует хорошо, даже сотней... Хотя растет быстро, несмотря на то, что старого пса вроде бы новым трюкам научить сложно.

– Я послал за графом Ришаром, – объяснил я.

Барон отодвинулся от стола и оглядел меня с головы до ног.

– Вы с ума сошли?

– А что не так?

– Во-первых, – произнес барон Альбрехт с расстановкой, – граф Ришар ваше предложение швырнет вам в лицо. Он не забыл, как вы осаждали его замок. И какое жестокое поражение нанесли! И вообще, поглумились над ним!

– Поглумился? – переспросил я с беспокойством. – Вроде бы все в привычных и освященных временем и древними обычаями рамках. Пограбили, побили посуду, изнасиловали женщин... иначе какая сладость в захватах? Только меркантильный интерес, но мы же не торговцы! Мы возвышенные и благородные люди. Нам изнасиловать женщин в захваченных замках куда интереснее, чем посрывать с них золотые серьги и кольца!.. Фу, даже подумать о таком простолоудинстве противно. Так что граф должен нас понять. Мы ничего не делали слишком.

Он кивнул, однако в глазах оставалось сильнейшее сомнение.

– Да. Но... гм...

– Но и меньше мы не могли, – объяснил я терпеливо. – Иначе пошли бы толки.

Он буркнул:

– Какие?

– Сами знаете, – сказал я, строго глядя ему в глаза. – То ли испугался графа, то ли, напротив, благоволю. А так я показал, что у нас все равны, все по справедливости. Провинился – получи! Насилуем не по прихоти, а по закону. Не хочется, а надо. Положено. Нет, граф – мудрый человек, поймет. Надеюсь.

Он все еще в сомнении качал головой.

– Ну, разве что вы предложите ему очень сладкую морковку.

– Да куда уж слаще, – ответил я. – Слава победителя при Олбени, Гастирксе, Черной Речке и Проливе померкнет перед славой сокрушителя королевства Сен-Мори! Граф должен на такое купиться. После поражения из-за женщины ему нужна реабилитация.

Он с сомнением покачал головой.

– Не знаю, не знаю. Я бы на вашем месте не делал на Ришара ставку.

Я сказал с горечью:

– А на кого? Ни у одного из нас нет опыта ведения больших войн. Даже планировать большие битвы не умеем.

– А противник?

– У противника есть Вирланд Зальский, – сказал я. – Очень немолод, как и наш граф Ришар. И показался мне достойным полководцем. Хотя в чем-то вы правы...

– В чем? – осведомился он. – Скажите, мне будет лестно. Я, как и вы, обожаю, когда хвалят.

– В королевстве Сен-Мори, – напомнил я, – почти нет людей с боевым опытом. Вирланд водил войска очень давно. А нынешнее поколение тамошних рыцарей умеет скрешивать копья только на турнирах. Да и турниров там почти не осталось.

Глава 3

Начали прибывать заказанные мной подводы, доверху нагруженные тюками белого полотна. Я сразу же собрал прямо во дворе крепости всех рыцарей, что шлялись в пределах досягаемости. Тут же явился отец Дитрих с двумя молодыми священниками, со всех сторон в нашу сторону поспешили простые воины.

Я взобрался на подводу, мне прокричали «ура» и «слава», я вскинул руки, призывая к тишине, а когда шум затих, заговорил с подъемом:

– Близится час! Братья!... мы все братья во Христе. По ту сторону Хребта лежит богатая развращенная страна упадка и разврата!.. Ее жители служат Мамоне, это такой желтый дьявол, приносят в жертву живых людей, там в храмах служат черные мессы и целуют в зад козла. Я сам там бывал, все видел, и душа моя уязвлена стала...

В толпе поднялись руки со сжатыми кулаками, несколько человек нестройно прокричали, что придем туда и всех нагнем к Господу.

Я указал на тяжело груженные подводы.

– Я закупил белый холст! Сделайте плащи или просто накидки. Мы идем с миром, кротки аки голуби, ибо несем слово Христа, но должны быть нещадны к врагам Господа, потому налейте на белые плащи красные кресты!.. Они символизируют кровь, пролитую Христом, и которую не устали пролить мы, когда пройдем через Тоннель и выйдем на той стороне!

Сжатых кулаков поднялось больше, среди них мелькало обнаженное оружие, а сильные мужские голоса прокричали, что да, будут нещадны, отступники должны быть наказаны.

– Мы не захватывать чужие земли и богатства идем, – продолжал я страстно, – мы несем в ту развращенную страну гуманизм и культуру! Потому церковь вам отпустит грехи заранее, а вы там убивайте и разрушайте все, что покажется нехристианским или... недостаточно христианским!.. Культура требует жертв, а высокая культура – высоких жертв!

Теперь уже орал и поднимал над головами обнаженное оружие весь двор. Народу сбегалось множество, опоздавшим передавали мои слова. Я видел по лицам, какую именно часть выделяют и что запоминают в первую очередь, для простого народа нужны и лозунги попроще.

Я улыбался красиво и сурово, так начинается крестовый поход, медленно и величаво сошел на землю. Меня окружили взволнованные рыцари, я протолкался к отцу Дитриху.

– Святой отец, – сказал я громко и возвышенно, – отпустите грехи мне и всем, кто готов отдать жизни за веру! – И добавил уже вполголоса: – И вообще, отец Дитрих, возжигание ярости масс – это идеологическая работа, так что вам и карты в руки. Пожалуйста, проследите, чтобы энтузиазм не стихал, а только разгорался, как... ну, пожарче, пожарче. Мы решились на весьма прибыльное предприятие, и нельзя, чтобы какая-то ерунда или колебания помешали святому делу приобщения еретиков к церкви!

Рыцари шумели, орали и потрясали в воздухе кулаками. Если бы прямо сейчас их перенести под стены стольного града Геннегау, столицы Сен-Мари, то сокрушили бы стены голыми руками и всех уцелевших жителей обратили бы к истинной вере.

Отец Дитрих коротко бросил несколько слов помощникам, у одного тут же в руках появились святые дары. Я улыбался всякий раз, когда великий инквизитор поднимал на меня пытливый взгляд. На его подвижном лице сменялась целая гамма чувств: от священной радости до глубокой настороженности и недоверчивости. Священники под его руководством еще вчера начали отпускать воинам грехи перед вторжением, ибо если кто и погибнет, то за святое дело, а такие идут в рай, какие бы грехи раньше не совершили, но сам он чаще корпел над картой, словно из великого инквизитора превратился в крупного военачальника.

– Барон, – сказал я Альбрехту, – как ни грустно, но прошу вас проследить, чтобы все войнство облачилось в белые плащи с красными крестами. Это будет нашим отличительным знаком.

Альбрехт поморщился, но кивнул. Лицо его оставалось серьезным.

– Да, конечно. Но все же пора вам завести толкового управляющего.

Я развел руками.

– Когда? Все так ускорилося... Пожрать не успеваю! А уж поспать так и вовсе забыл, что это такое. Про плащи не забудьте!

– Сделаю, сэра Ричард. И... спасибо.

– За что?

– Что вы снова с нами.

Отец Дитрих в восторге, что я так высоко ценю работу церкви и стремлюсь разводить монастыри, как хорошая хозяйка деловито разводит породистых кур. О моем рвении снова сообщил в Ватикан, оттуда наконец пришел ответ, что да, на меня обратили высокое внимание, будут следить за моими шагами. Я смиренно опустил свои брехливые глазки и льстиво поблагодарил Великого Инквизитора, забыв упомянуть, что когда я смиренно говорил о преданности нашим идеям, то подразумевал совсем другое.

Только невежды не знают, что демократические преобразования в Средние века шли из монастырей, и только из монастырей. Хорошо образованные и вообще почти единственно грамотные, пользующиеся доверием, уважаемые монахи служили обществу, и сколько бы простой народ ни сочинял про них ехидных песенок, все же люди знали: все лучшее сосредоточено в монастырях.

Вся складывающаяся жизнь городских общин всегда является лишь подражанием системам жизни в монастырях, их правилам, собраниям и выборной системе. Вообще сам принцип мажоритарности напрямую без изменений и поправок заимствован из жизни монастырей, которые помогали городам освобождаться из-под власти благородных лордов, хозяев городов.

В городах часто возникали социальные конфликты, и потому горожане всякий раз призывали монахов стать арбитрами. Им поручали разработать устав городского совета, их же просили председательствовать на выборах. Нередко именно монахам все стороны как доверяли раздавать избирательные бюллетени, так и вообще поручали избрать членов магистрата или членов городского Совета.

Вообще монахи всегда считались лучшими арбитрами не только из-за своих знаний и умений понимать людей, но и потому, что не являются ни избирателями, ни избираемыми, и вообще им по уставу недоступны должности в мирских делах. Хотя, конечно, магистраты постоянно просили монахов выполнять самые важные дела: ставили их во главе канцелярий, просили возглавлять суды, хранить городские печати, городскую кассу, архивы, даже поручали им взимать дорожные пошлины. В Бретани нищенствующие монахи имели решающий голос в заседании герцогского совета, кармелиты руководили налогообложением страны и ее финансами, францисканцы владели Счетной палатой, бенедиктинцы проверяли у торговцев веса и гири, а также все меры для сукна, разлива масел и вин... и вообще им доверяли все, что рискованно доверить мирскому человеку, который думает не о Боге, а о своем кармане.

Да что там говорить, монастырям даже доверяли чеканить монету! А гумилиаты собирали по всей стране пошлины и хранили у себя ключи от складов боеприпасов, цистерианцы сторожили гавани и арсеналы, охраняли городские ворота и расставляли своих людей на городских стенах!

Но для меня еще важнее, что лучшие управляющие всегда выходили из монастырей: грамотные, умелые, честные, работоспособные, постоянно думающие о деле, а не том, как бы урвать побольше и смыться.

Мне управляющих нужно будет много, очень много.

Я не спал несколько ночей кряду, днем принимая новые рыцарские отряды, а ночью улаживая самое трудное: подчинение и соподчинение. Все прибывшие добиваются права вступать в бой своей боевой единицей, справедливо полагая, что лучше знают своих людей, а те в свою очередь за лордом пойдут в огонь и в воду. С этим я уже научился не спорить, бесполезно, лишь ставил так отряды, чтобы те, у кого больше лучников, прикрывали тех, у кого почти одни копейщики помимо конных рыцарей, а у кого преимущество ратников, шли вслед за копьеносцами.

Растер, Макс, Митчелл, все со своими отрядами, Альвар Зольмс, прибывший из Фоссано с двумя полками элитной конницы отборных рыцарей, все они давно отбыли и сосредотачивались у подножья Хребта. Со мной остались только барон Альбрехт, Будакер и лорд Рейнфельс, прибывший из Фоссано с большим конным отрядом и двенадцатью тысячами кнехтов. Как предупредил еще граф Альвар, из них пятьсот арбалетчиков в тяжелом вооружении. Барон с неудовольствием наблюдал за моими метаниями, хмурился, не дело гроссграфа заниматься мелочным обустройством, я улыбался и помалкивал.

Отец Дитрих собрал всех священников, за это время к нему явились на призыв даже из дальних деревень, и он увел это войско в рясах вслед за копейщиками и лучниками.

Я улаживал и устраивал все дела, отлучаемся надолго, а без нас здесь все должно идти, как будто мы здесь, а не по ту сторону Хребта, ухлопал еще неделю, после чего свистнул Псу, конюхи вывели уже оседланного Зайчика, я вскочил в седло и вскинул руку в прощании.

– Вернемся с победой!

В ответ загремело:

– Слава сэру Ричарду!

– Слава гроссграфу!

– Слава нашему доблестному хозяину!

...Над миром жаркий полдень, грозно и молодо блещут сколы скал, отражая свет, словно вспыхивая изнутри. Зайчик неся мимо зарослей исполинских кипарисов, дальше вроде бы оливковая роща, но откуда здесь оливы, это все на той стороне Хребта, овеваемой южными ветрами и впитавшей в себя влагу океана...

Барон Альбрехт и лорд Рейнфельс все же отбыли два дня назад, сразу же после нашего серьезного разговора, когда оба убедились, что гроссграфкость во мне взяла верх над самцовостью. Крепость и небольшой гарнизон в ней остались под командованием Будакера. Я оставил Будакеру сто рыцарей и триста ратников, в том числе пятьдесят арбалетчиков. Этого недостаточно, чтобы завоевывать Армландию, но вполне хватит, чтобы защитить не только крепость, но и окрестные земли. К тому же Будакер, как толковый комендант, сразу же обратил внимание на слабые места, так что двери, а к ним запоры, появятся везде.

Несмотря на зной, я успел остыть во время бешеной скачки, но при горячечных мыслях снова разогрелся так, что жар ударил в голову. Бобик как будто понял, свернул и сердито гавкнул из-за гряды камней, когда мы проскочили мимо.

– Вернемся, – сказал я Зайчику, – если шутит, всыпем ему.

Всыпем, согласился Зайчик молча. Мы перемахнули каменную россыпь, на той стороне звенит, как серебряный колокольчик, скачущий по камням прозрачный ручей. Бобик смотрел радостно и победно.

– Умница, – похвалил я. – Все понял, морда. За что я только тебя люблю?

Он бросился мне на шею, Зайчик гневно ржанул и сделал вид, что сейчас саданет Пса копытами. Я отпихнулся и пошел к воде. Руки заломило до самых плеч, хотя я подставил под прозрачные струи только ладони. Не знаю, может ли быть вода температурой ниже нуля, но тут чуть ли не на уровне жидкого кислорода.

Я жадно напился, хотя зубы ломило, Бобик плюхнулся рядом и переворачивался с боку на бок, вода бежит через его черное блестящее, как у тюленя, тело. Я зашел повыше и побрызгал на себя, зачерпывая обеими руками сверкающие на солнце струи.

В сверкающих струях проступило женское лицо. Я задержал дыхание, снизу сквозь толщу воды на меня смотрит с жадным восторгом молоденькая девушка, длинные светлые волосы струятся по течению, лицо бледное, не тронутое солнцем, а так достаточно хорошенькая...

Она протянула мне руку, я бездумно сунул руку в воду ей навстречу. Холодные пальцы ухватили меня за кисть, меня повлекло в воду с неожиданной силой. Я уперся, ощущение такое, что вся тяжесть земли повисла на моей руке, и я медленно склонялся к воде.

Бобик гавкнул и прыгнул ко мне. Я видел, как он вонзил зубы в ее руку, но девушка смотрела на меня неотрывно, улыбалась и продолжала утаскивать под воду. Лицо мое коснулось воды, я задержал дыхание, погружаясь глубже, теперь вижу ее отчетливее: красивая, с тонкими руками и ногами, удлинённым телом, черты лица тоже не простонародные...

Ее глаза распахнулись в непонятном страхе. Рот раскрылся, мне почудился безмолвный вскрик, полный боли и ужаса. Она отпустила мою руку, но я в чисто мужском жесте ухватил ее сам, приподнялся, чувствуя, как голова выходит из воды. Бобик рычал и помогал мне вытаскивать из воды эту коварную, как все женщины... женщину.

Совместными усилиями вытащили из ручья, теперь ее тело стало совсем легким. Бобик отпустил добычу и смотрел на меня в ожидании приказа. Я отволол добычу шагов на пять от ручья и опустил на траву.

– А теперь приступим к допросу, – сказал я. – Если понадобится, то и третьей степени.

Дыхание из меня вырывалось все еще с хрипами, но я чувствовал, как во мне пробуждается нечто самцовое: девушка полностью обнажена, фигура просто дивная, на меня смотрят полные ужаса глаза, что наполняются слезами... да-да, вода уже сошла, это настоящие слезы, а руками она пытается закрыть свои интимные места.

– Бобик, – велел я, – стереги! Как только она, то, сам понимаешь, ты. И – сразу.

Бобик довольно оскалил зубы. Женщина из ручья не отрывала полных ужаса глаз от меня, на черного пса не обращала внимания, хотя рука ее все еще кровоточила.

– Итак, – сказал я, – отвечай, женщина. Почему ты там?

Она прошептала нежным серебристым голосом, похожим на журчание ручья:

– Я там живу...

– Не тесновато? – спросил я.

– Ручей... это часть реки, – ответила она шепотом, – а река... бескрайняя...

– Ага, – сказал я, – живете там, а сюда ходите позабавиться? Или ты здесь всегда?.. Отвечай, как перед Господом!

Она вздрогнула при последнем слове и сжалась. Я наконец-то сообразил, куда направлен ее испуганный взгляд. Солнечный зайчик от крестика, привезенного из Ватикана, скользил по ее лицу, оставляя красную полосу. Я чуть запахнул рубашку, ручейница судорожно вздохнула, но страх из глаз не ушел, крестик остается на мне.

– Можно мне встать? – спросила она. Ее губы силились улыбнуться, а тело обольстительно изогнулось.

– Лежи, – велел я безжалостно. – Не на того напала.

– Мой господин...

– Скажи, – потребовал я, – сколько христианских душ погубила?

Она искательно улыбнулась.

– Господин... приди и насладись мной...

– Насладись? – переспросил я. – От тебя рыбой пахнет.

Она в недоумении повела взглядом крупных глаз по своей упругой груди, по животу и длинным стройным ногам.

– Рыбой?.. Господин, я чиста, как рыбка... Приди в мои объятия...

– Я задал вопрос, – спросил я сурово. – Не хочешь отвечать?

Моя рука потащила из ножен меч. Ручейница вздрогнула, но продолжала улыбаться, ее руки поднялись ко мне, приглашая в объятия. Капельки воды уже высохли на ее теле, я невольно засмотрелся, но опомнился и поднял над нею меч, держа острием над ее грудью.

– Господин, – прошелестели ее губы, – приди ко мне... насладись...

– Похоже, – сказал я, – других слов не знаешь?.. Ладно...

Она вскрикнула, когда острое стальное жало вонзилось в ложбинку между снежно-белыми холмиками. Я нажал, лезвие на миг уперлось в позвоночник, там хрустнуло, я ощутил, что кончик меча погрузился в землю. Из рта ручейницы хлынула алая кровь. Она смотрела на меня широко распахнутыми глазами, все еще не веря, что такое случилось, что мужчина убил женщину, это же неправильно...

Я выдернул меч, коротким взмахом отсек голову и пинком отбросил ее в сторону. Самому гадко, мужчины женщин не убивают, их убивают напарницы мужчин. Когда у мужчины нет напарницы, что вообще-то редкость, он всегда дерется так, чтобы женщина сама как-то уби-лась. Ну так промахнулась в замахе и упала с высоты, обязательно на припаркованный в месте падения автомобиль, попала кулаком в оголенные электрические провода или же как-то нечаянно застрелилась... А мужчина даже может попытаться ее спасти, вот такие мы кругом благородные, но, увы, не успевает.

– Бобик, – сказал я, – рыбу тут не ловить, ясно?.. А с этой будем считать, что сама уби-лась. Вот разогналась и ударилась головой об этот дуб. Нечаянно!

Бобик посмотрел на обезглавленное тело, на дуб, потом на меня. В глазах я прочел такое, что поспешно повернулся к мирно щиплющему траву Зайчику.

– А ты что конем прикидываешься?.. Ишь, гады, на чем поймать хотели!.. Да мне сейчас сто настоящих лядей выведи навстречу, всех зарублю... Лоралея, что ты с нами со всеми делаешь...

Глава 4

Хребет вырастал буквально с каждым конским скоком. Грозный, невероятно высокий, с такого расстояния выглядит обтесанной стеной, это потом можно увидеть впадины, щели, трещины, каверны, дупла. Дорога медленно начинает повышаться, мы проскочили каменистую котловину, мелькнуло ущелье, на камнях кое-где зеленеют сожженные солнцем кусты и чахлые деревца.

Дорога все еще тяжело взползает, как старуха, выше и выше. Мелькнули кремнистые плоскогорья, камни здесь огромные, округлые, белые, похожие на спящих баранов. Их притащил когда-то ледник и бросил здесь. То ли устал, то ли Хребет уже был и сказал, что видали здесь всяких, повертай обратно, иначе *magetak*, в смысле, здесь и останешься.

Бобик впереди радостно гавкнул. С каменистого гребня долина внизу заполнена народом и выглядит единым воинским лагерем. Красиво и пышно цветут красные, оранжевые, зеленые и синие шатры знатных лордов, похожие отсюда на диковинные цветы из сада великанов. Костров полыхает великое множество, пригнанные на прокорм стада разбредаются без оградки, их торопливо сбивают в кучи звероподобные пастухи и такие же лохматые и дикие собаки.

Донеслись веселые вопли, резкие звуки труб и рожков, протяжно и печально режут коровы. У костров, как я рассмотрел, уже очень веселые ратники пляшут что-то замысловатое, падают и с хохотом отползают к друзьям, у которых в руках бурдюки с вином.

Рыцарей у костров я не рассмотрел. Если и пьют, то в шатрах среди благородного сословия. Пьют за дам, за подвиги, за честь и славу, а не просто так, как простолюдины, которые пьют, словно скот, только бы пить и валяться пьяными.

– Вперед, – сказал я Зайчику. – Это наши.

Он весело ржанул, в самом деле наши, Бобик гавкнул и понесся к лагерю. Наши, повторил я. Только увидел, и уже тоска улетучивается. Кто-то топит ее в рюмке, настоящие мужчины глушат работой, как молотом рыбу.

Сэр Растер первым бесцеремонно облапил меня по старой дружбе и, хотя от него мощно несет запахами по меньшей мере дюжины разных вин, заявил безапелляционно, что в честь прибытия гроссграфа надо выпить. Я улыбался и приветствовал собравшихся, чувствуя себя как кандидат в президенты, который должен помнить всех и каждому сказать что-то приятное. Хорошо, хоть нет слюнявых детишек, которых обязательно целовать, зато голова гудит от звона металла, хлопают по железной спине ладонями в железных рукавицах, по плечам, хорошо хоть пока не бьют по голове.

Я улыбался и тоже красиво и залихватски бил ладонью в ответ по стальным панцирям, я ведь прежде всего – рыцарь, мы боевое братство, связанное единой этикой, целями и помыслами, а уж потом кто-то из нас гроссграф, кто-то рангом пониже.

– Начинайте без меня, – велел я решительно, – загляну пока в Тоннель. Не будет ли помех на дороге? Надо проверить.

– Сэр Ричард! – сказал барон Альбрехт укоризненно. – А другие на что?

Сэр Растер проревел решительно:

– Это дело надо отметить!

– Успеем, – возразил я и перекрестился. – Во славу Господа.

Все дружно перекрестились и тоже пробормотали это «во славу Господа», и хотя никто не понял, к чему эти слова, но сработало безотказно, притихли, а я вышел из разомкнувшегося круга, вскочил на Зайчика и понесся к темнеющему входу.

Навстречу на яркий солнечный свет вышли, нагибая головы, могучие воины. Следом с натужным скрипом тащится тяжело груженная глыбами телега.

– Много еще? – крикнул я.

– Заканчиваем, – ответил поспешно возчик. Он сорвал шапку и поклонился. – Еще дня два, потом и камня не останется! Там так все ровно, что просто... если подмести, прямо с пола жрать можно!

– Прекрасно, – сказал я.

Пес ринулся в Тоннель первым, половина туловища исчезла на миг, только мелькнул толстый зад на свету. Зайчик с недовольным храпом вломился следом. Звонко простучали копыта по каменному полу. Тьма впереди заблистала множеством искр, все залил ровный свет, словно мы сразу выскочили под открытое небо.

Стук копыт перешел в грохот, мы с Зайчиком несемся по огромной трубе, похожие на горбатую черную птицу. Впереди яркий свет отражается на двух утопленных в каменный пол металлических рельсах, иногда выхватывает быстро исчезающий зад Бобика. Дважды мимо промелькнули телеги с камнями, наконец впереди возникла и прыгнула к нам громада из неведомой стали, хотя, скорее всего, никакой примитивной сталью тут и не пахнет.

На этот раз он показался поменьше, что значит уже не трясусь так, человек ко всему привыкает.

Я соскочил на землю, Бобик прыгал вокруг и спрашивал, во что играем.

– Ждите здесь, – велел я, соскакивая на землю. – Ничего не трогать, кнопки не нажимать.

Атомоход, как я его называл за неимением более точного определения, как запускается, непонятно, зато через некоторое время нажимания всех кнопок и рычагов я сообразил, что тормоза то ли были убраны, то ли я, щупая все подряд, сумел снять. Тяжелая громада сдвинулась с места очень неохотно, даже прошла пару метров, затем сработало что-то защитное, тягловоз замер, словно помимо тормозов еще и пустил крепкие корни прямо в каменный пол.

Впереди в ярком свете показались блестящие от пота тела рабочих. Они с испуганными воплями придерживали волов, кто-то даже бросился закрывать им морды, другие прижались к стенам. Один вообще в ужасе начал нахлестывать быков, те с жутким ревом пошли от страшного чудища чуть ли не вскачь, как рысаки.

Я высунулся из кабинки и заорал зло:

– Что случилось, трусы?

На меня смотрели ошалело, один наконец перекрестился и крикнул:

– Ваша светлость?

– Ну да, – крикнул я в ответ, – моя светлость? Что за паника?

– Ваша светлость, – прокричал рабочий, – у этого зверя глаза горят!

– А-а-а, – сказал я, – это ничего, это я его бужу.

Они поспешно отступили, один сказал просительно:

– Ваша светлость... а может, не надо? А то возьмет и всех нас съест!

– Да нужны вы ему, – сказал я с досадой. – Думаю, тут от биотоплива давно отказались, как от устаревшего. Идите все сюда! Будете толкать в зад, а я поколдую с управлением. Когда сниму тормоза, сразу почувствуете.

Несколько человек послушно бросились к атомоходу, уперлись копытами. Я слышал, как звенят ломы, металлические кувалды, доносилось сопение. Потом громада в самом деле сдвинулась и пошла, пошла, набирая скорость... Рабочие бежали за нею, я высунулся и крикнул:

– Пока не толкать! А то мимо проедем.

Бригадир сказал с великим удивлением:

– Какая громадная и тяжелая, а как пошла...

– Рельсы, – объяснил я. – Эх, скорее бы... Войско крестоносцев на поезде – мечта!

Дважды атомоход замедлял ход, его подталкивали, и он снова ускорял бег. Я не вылезал из кабины, подозревая, что тормоза включаются сразу, едва водитель ее покидает. Бобик несея впереди, часто оглядываясь, а Зайчик предпочел идти позади всех.

Я вовремя успел заметить с высоты сиденья, как далеко впереди начала раздвигаться стена перед приближающимся Бобиком, страшно прокричал:

– Я, великий и ужасный Великий Маг, велю стене расступиться!

Рабочие моментально отпустили атомоход и едва не попадали в страхе. Он катился по рельсам, медленно замедляя ход, а остановился практически перед открытой стеной. Я выскочил, властным жестом позвал рабочих. Они робко приблизились к великому и ужасному, шапки в руках, я указал на круг под колесами атомохода.

– Надо развернуть так, чтобы совпало вот с теми, что идут оттуда...

Бригадир прошептал потерянно:

– Ваша милость... а не утащат нас в ад?

– Не позволю, – пообещал я.

– А вы...

Он не договорил, зажал ладонью рот. Я оглянулся по сторонам и сказал негромко:

– Только никому ни слова! У меня связи есть и на той стороне. Политики всегда одной ногой там... но – молчок!

На меня смотрели со страхом и уважением, уперлись покрепче, разворачивая атомоход. Вид у них был такой, что страшатся не каких-то неведомых тварей из ада, а что именно я их туда и уволоку. Я покрикивал, указывал, наконец атомоход вытолкали из Тоннеля на запасные пути.

Бобик по моей команде подбежал и прыгнул, стараясь поцеловать, двери распахнулись, все с великим облегчением вышли в Тоннель, который показался таким домашним и родным в сравнении с теми страхами, что успели увидеть.

– Ты прав, – сказал я бригадиру, – это страшное место. Даже не пытайтесь туда входить... Хоть оно и защищено ужасными ловушками и заклятиями, но я еще добавил туда и своих. Так что...

Он всплеснул руками.

– Ваша милость! Да ни за что...

– Мы себе не враги, – заверил второй.

– Сами не рискуем даже близко пройти, – сказал с нервным смешком третий, – и другим закажем!

Остальные дрожали и смотрели перепуганными овечьими глазами. Я отряхнул ладони и сказал бодро:

– Зато освободили дорогу для победного шествия войск! Среди вас есть умельцы по строительству церквей?

Бригадир сказал торопливо:

– Это мы лучше всего умеем! За церкви платят отменно, их же не тяп-ляп, надо украшать, хорошая работа видна...

– Будет много работы в королевстве на том конце Тоннеля, – пообещал я. – Можете сразу топтать за войсками. Платить будем хорошо, так как не свои деньги, а из местных бюджетов.

Бригадир опасливо оглянулся на стену.

– А эта штука... оттуда не выберется?.. А то выйдет и пожрет всех! Или того хуже...

– А что хуже?

– В ад утащит! – объяснил он торжественно и поспешно перекрестился. – Души бессмертные погубим.

– Выберется, – пообещал я.

Он торопливо перекрестился.

– Господи, спаси и сохрани!

– Не сама, – объяснил я. – Когда-то мы и вытащим оттуда. И заставим таскать хотя бы по этой норе грузы. Все-таки двадцать миль тоже не осел накашлял...

Он снова оглянулся на удаляющуюся стену.

– Будет таскать телеги?

– Да, – сказал я, – только не эти. Все увидите, все впереди...

Зайчик подошел, раздвигая рабочих, и посмотрел на меня с укором. Я вставил ногу в стремя, все почтительно смотрели на огромного страшного коня. Бобик маячил далеко впереди и оглядывался в нашу сторону с великим нетерпением.

– Скоро пройдут войска, – сказал я снова. – Не путайтесь под ногами, а вместе с пешими можете топтать и сами. Сен-Мари – богатая страна. И пограбить будет что, и заработать тоже.

Они ушли, все еще держа шапки в руках, я даже не пытался представлять, что думают обо мне и о случившемся. Зайчик неся по Тоннелю, через несколько минут бешеной скачки мы все трое ощутили запах бараньей похлебки. Блеснул огонь костра, осветивший огромный завал из камней.

Рабочие вскочили, бригадир бросился мне навстречу.

– Ваша светлость, – отрапортовал он бодро, но дрожащим голосом, с испугом поглядывая на громадного Адского Пса, – по вашему приказу ждем! Как только велите, стену разберем.

Один из рабочих добавил несмело:

– Не сумлевайтесь, ваша милость. У нас все готово.

– Хорошо, – одобрил я. – Уже скоро, ребята. Не завтра, так послезавтра.

Рабочий предложил:

– Ваша светлость, если изволите... мы для вас сейчас разберем!

Я поколебался, в самом деле хочется вымахнуть на ту сторону, там море, хоть и не близко, но махнул рукой и сказал сравнительно твердо:

– Нет уж, поеду вместе со всеми. Ждите!

Пес все понял, развернулся на заднице и помчался гигантскими скачками между блестящими и геометрически прямыми линиями рельсов. Я тронул повод, Зайчик с места пошел бешеным карьером, ветер заревел в ушах. Бобик оглянулся всего раз, догадался, что на этот раз остановок не будет, исчез из виду, и когда мы выметнулись из Тоннеля, он уже крутился возле котла с похлебкой, распуская народ.

– Отдыхайте, отдыхайте, – говорил я обступившим воинам. – Скоро, уже скоро... Копите силы, они понадобятся.

Передав повод оруженосцам, я скрылся в шатре, сердце стучит, страх нахлынул вроде бы без причины, но вспомнил слова барона Альбрехта насчет графа Ришара. Если Ришар откажется, войска придется вести мне. А я, если честно, как бы ни хорохорился и улыбался красиво, но полководец никакой. И тогда выяснится, что я затеял такое грандиозное дело, надеясь на авось, на удачу, на счастье, что вообще-то стыдно для мужчины и совершенно недопустимо для деятеля.

Я сидел с пустой чашкой из-под кофе в ладонях, когда, отбросив полог, заглянул оруженосец.

– Сэр Ричард, – произнес он с почтительным поклоном, – тут к вам приехали...

Я поднялся, сердце стучит, сказал торопливо:

– Сейчас буду.

– Сказать, чтобы подождали?

– Нет, уже иду.

Горячий ветер бросил в лицо мелкую пыль, занесенную снизу, я задержался на выходе, мелькнула дикая трусливенькая мысль, что вернуться бы да зарыться мордой в подушки, но, вздохнув и взяв такое говно в руки, вскинул голову и вышел, прямо глядя перед собой.

Воины у костров вскакивали, я величественно наклонял голову в ответ на приветствия. В центре лагеря новая кучка рыцарей, за спиной их вожака развеваются боевые знамена с изображением льва, орла и чего-то вообще ужасного и многоголового с распахнутыми пастьями.

Вожак спрыгнул с коня, оруженосец торопливо перехватил повод, а рыцарь, лязгая железом и без необходимости громко топая, пошел в мою сторону. Красивый, стройный, светлые волосы эффектно падают на плечи, блестящий шлем с пышным султаном покоится на сгибе левой руки. Лицо остается каменным, взгляд мрачным, а смотрит молодой лорд если не поверх голов, то все равно не замечает моих рыцарей.

Я поспешно пошел ему навстречу, заговорил на ходу:

– Сэр Кристофер, я смиренно прошу у вас прощения!

Он остановился, лицо все такое же неподвижное, только в глубине глаз что-то изменилось. Я продолжил виноватым голосом:

– Мне прощения нет, я ведь гроссграф! Должен думать о благе, а я... как последний мальчишка отнял у вас леди Лоралею и оставил себе! Но я надеюсь на ваше великодушие, сэр Кристофер. Я склоняю перед вами голову и готов принять ваш справедливый гнев.

Он молча смотрел сквозь меня. За моей спиной и вообще в лагере наступила мертвая тишина, только слышно было, как позвякивают удилами и всхрапывают лошади.

Наконец Кристофер де Мари тяжело вздохнул, голос его был измученный и хриплый:

– Вы не у меня забрали, сэр Ричард. Вы просто остановили распрю между мною и сэром Арлингом. И не для себя вы забрали леди Лоралею... не казнитесь.

– Но я...

Он вскинул руку, прерывая:

– Это уже потом вы подпали под ее очарование. Потому у меня нет на вас обиды... серьезной обиды. И я принимаю ваши извинения. В свою очередь прошу вас простить меня...

Мы обнялись, как братья, оба несправедливо обиженные большими сильными родителями. За нашими спинами медленно нарастал шум. Я видел украдкой, как воины скидывают кверху копыя и потрясают ими, вынимают мечи и поднимают их остриями к небу.

Наконец мы разъединили объятия, в глазах сэра Кристофера блистает влага. Я чувствовал, как у самого щиплет, в груди сладко-горькое чувство, как у ребенка, которому дали ненадолго волшебную игрушку, а потом отобрали навсегда.

Отец Дитрих подошел к нам, тоже растроганный, взял нас за локти.

– Пусть и Господь благословит ваше рыцарское братство, – сказал он прочувственно. – Как сладостно сердцу христианскому видеть не обнаженные мечи, а братские объятия!

– Все впереди, святой отец, – пробормотал я.

– Да, – сказал и сэр Кристофер с протестом в голосе, – рыцарские подвиги не бывают без обнаженных мечей.

– Такова жизнь, – поддержал я. – Позвольте, сэр Кристофер, познакомить вас с диспозицией. Подворачивается возможность совершить самые что ни есть героические подвиги!

Он смотрел с вопросом и надеждой в чистых глазах.

– Сэр?

– Я почему вас попросил приехать именно сюда? – сказал я. – Как видите, это военный лагерь. Но уже завтра-послезавтра будем на той сторонке Хребта. Перед нами раскинется королевство Сен-Мари, которым правит злобный тиран король Кейдан. Под его невыносимым гнетом стонут благородные и честные подданные! Наш долг, как благочестивых христиан, огнем и мечом пройти по его землям и освободить население от недостойного правителя!.. Здесь у вас самое широкое поле деятельности, сэр Кристофер. Это совсем не то, что драться с соседями. Это справедливая и благородная борьба за свободу, честь и достоинство угнетенных людей! С нами Бог, так кто же против нас?

Он сказал ошалело:

– Сэр Ричард...

– Я не сошел с ума, – заверил я. – Вам было не до того... но, уверяю вас...

Он смотрел неверящими глазами. Сэр Растер верно понял мой взгляд, подошел и, обняв сэра Кристофера за плечи, проревел добродушным, но непререкаемым тоном, что за это надо выпить.

Глава 5

К вечеру протрубили трубы, возвещая о прибытии еще одного отряда. Я ожидал сэра Рейнфельса с его фоссановской конницей, однако посланные вперед гонцы сообщили, что с большим отрядом рыцарей приближается доблестный сэр Арлинг, чело его мрачно, сам угрюм, а очи сверкают дико.

Я вышел из шатра, не дожидаясь, когда позовут. На площадь лагеря въехали на крупных конях тяжело вооруженные и в добротных боевых доспехах рыцари. Граф Арлинг в центре группы, его вассалы разве что не опустили забрала, но смотрят все равно вызывающе, а их ладони то и дело демонстративно опускаются на рукояти мечей. Я был готов, сэр Кристофер уже на другом конце лагеря, вокруг меня только рыцари, которые Арлинга в глаза не видели и не станут насмехаться и напоминать, что это у него я отнял Лоралею.

Я не стал дожидаться, когда гордый граф приблизится, едва он покинул седло, я заспешил к нему, раскидывая руки, но не для того, чтобы обнять его, а в жесте великого раскаяния и скорби.

– Сэр Арлинг! – заговорил я первым, не дав ему времени даже на приветствие, ибо неизвестно, каким оно будет. – Сэр Арлинг, я невыносимо виноват перед вами... мне просто нет прощения, но я смиренно надеюсь, что вы отыщете в своем сердце каплю жалости и христианского сочувствия...

Краем глаза я видел, как кивает отец Дитрих, а его священники довольно переглядываются. Арлинг явно опешил, смотрит, как дитя на скелет, затем в замешательстве прочистил горло:

– Кхм... кхм... сэр Ричард...

– Я знаю, – перебил я, – вина моя велика! И хотя я сразу же собирался отправить леди Лоралею куда-нибудь в дальние края, но не выдержал испытания и взял ее себе...

Арлинг пробормотал:

– Ну... вообще-то вы... отправили ее, как я слышал, в дальний замок...

– Да, но...

Он продолжил громче:

– Если бы ее не выкрали, вы бы о ней и не вспомнили... наверное. А так, да... и все-таки, сэр Ричард, вы продержались дольше всех.

– Все равно, – сказал я громко, – я виноват, простите меня, сэр Арлинг!

Его вассалы довольно зашумели, когда я склонил перед графом Арлингом колено. Арлинг пару мгновений смотрел на меня сверху вниз, потом ухватил за плечи и заставил подняться.

– Вы молоды, – произнес он в сильнейшем замешательстве, – сэр Ричард... но у вас чистое сердце.

– Сэр Арлинг, – воскликнул я, – никогда не забуду вашей доброты!.. В свою очередь хочу вам предложить, как в знак своей невыразимой и невысказываемой благодарности... возглавить один из отрядов в благородном деле освобождения королевства Сен-Мари от несправедливого правителя, поправшего идеалы доброты и справедливости, церковного милосердия и рыцарской чести!

Арлинг вздрогнул и посмотрел на меня расширенными глазами.

– Это... как?

– Вы в благородной задумчивости, – сказал я с жаром, – свойственной благородным людям особо благородного происхождения, могли не заметить собравшегося здесь рыцарского и прочего войска. Но все мы готовимся пройти через Тоннель – да-да, тоннель под Хребтом! –

на ту сторону и обрушить справедливый карающий гнев на недостойного правителя. Будет много возможностей совершить подвиги, набрать богатой добычи.

Он молчал, быстро переваривая мои слова и так же торопливо выбирая линию поведения. Я при всем пафосе не забыл сразу же упомянуть про богатую добычу, ибо граф Арлинг вдвое старше Кристофера де Марка. Ему, как я понимаю, не только воинские подвиги, как Кристоферу, но и добычу подавай, а добыча в королевстве, которое захватывают врасплох, будет велика. И достанется сравнительно легко.

– Я всегда верил, – проговорил он наконец, – что под вашим знаменем мы добьемся великих побед! Располагайте мной, сэр Ричард.

– Отлично, – сказал я с облегчением. – Познакомьтесь с моими ближайшими соратниками, это сэр Растер, сэр Альбрехт, сэр Максимилиан...

День оказался на редкость удачным: до наступления ночи прибыло еще три отряда, один из них возглавлял виконт Рикардо, первый муж Лоралеи, а также первый, кто ухитрился выкрасть ее у меня. С ним я чувствовал себя особенно неловко: когда я дрался и бесчинствовал в его дворце, каюсь, кричал ему что-то обидное, пользуясь тем, что Рикардо единственный из всех мужей Лоралеи, кто вообще не боец: ему бы книжником, интеллектуалом, но нет пока таких ниш, а в монахи его не тянет.

Однако он показал свой класс, когда красиво и умело спланировал похищение, а также замел следы так, что я остался одураченным. И своим виконством руководит умело, выживая в окружении более сильных соседей.

Едва мне доложили, что его отряд показался в пределах видимости, я торопливо позвал вроде бы для нужного разговора о расположении войск сэра Кристофера и сэра Арлинга, а когда головная группа во главе с Рикардо въехала в центр лагеря, я постарался, чтобы он увидел сразу нас троих.

Его глаза расширились, я уловил изумление и замешательство на его лице. По тому, как медленно слезал с коня, не отрывая от нас неверящего взгляда, я понял, что заранее заготовленные обидные и оскорбительные слова выпорхнули из головы, как стая вспугнутых воробьев, а новые подобрать не так просто, чтоб такие же едкие, точные и оскорбительные.

Я шагнул навстречу и успел поддержать ему стремя, неслыханная честь, которую гросс-граф может оказать разве что императору или папе римскому. Рикардо смешался еще больше, все ведь видят, как веду себя я и с каким уважением отношусь, и сейчас бросить мне в лицо что-то нехорошее – это унижить прежде всего себя самого.

Кристофер и Арлинг подошли ближе, я сказал быстро:

– Виконт Рикардо, приветствую вас!.. Пока мы не наговорили друг другу лишнего, о чем сами потом пожалеем, давайте... Нет, не то... Сэр Кристофер, сэр Арлинг, сэр Рикардо! Сейчас, когда амок начинает покидать нас, мы... может быть и не пожмем друг другу руки, помня о взаимных обидах, но... жизнь продолжается. Лоралею нам уже не вернуть, это придется признать всем. Мы могли тягаться друг с другом, но не с Господом... А Лоралея стала невестой Иисуса.

Арлинг сказал хмуро:

– К сожалению, вы правы, сэр Ричард. Лоралея ушла от всех, теперь она в недосягаемости. Наверное, это даже хорошо... Я понимаю доблестных рыцарей, что со всем пылом дрались за эту удивительнейшую леди, сам такой, однако теперь страсти улягутся... Надеюсь...

– И будет покой, – спросил Рикардо, в голосе звучали вызов и неприязнь, – как на кладбище?

Кристофер взглянул на него, потом перевел взгляд на меня.

– С сэром Ричардом покоя не будет, – произнес он задумчиво. – Никакого. Даже намек на покой... Сэр Ричард, скажите нашему другу сразу, для чего вам понадобились войска на этот раз.

Я развел руками.

– Дорогой Рикардо, вы будете смеяться, но... для защиты.

– От кого?

– От Кейдана, – сообщил я. – Вообще-то это такая сволочь, такая сволочь... Потому я планирую ввести часть войск на территорию его королевства. Правда, только в герцогство Брабантское, где я наследник, потому имею там интересы. Для защиты Тоннеля под Хребтом, через который мы и пройдем на ту сторону, да и вообще у нас есть интересы и в самом Сен-Мари... Пойдемте ко мне в шатер. Я расскажу все подробно.

Рассказывать и объяснять долго не пришлось, все четверо еще чувствуем неловкость от общения друг с другом. Лоралея незримо стоит между нами, все помнят ее любовь и верность, ее преданность, я сам постоянно вижу ее сияющие чистотой и любовью глаза, и темная ревность начинает шевелиться на дне души. Все-таки меня слушали внимательно или делают вид, что слушают, но я постарался подобрать самые высокие эпитеты, наговорил о нашей благородной роли носителей культуры, о богатейшей добыче, что сама упадет в наши загребушие лапы, и хотя о добыче упомянул вскользь, но хорошо знаю по опыту, что это о высоком надо говорить много и повторять чаще, тогда хоть что-то западет в голову, а вот о добыче можно шепотом, отвернувшись и вскользь, даже под грохот грома, не пропустят и не забудут ни слова, пусть даже в этот момент будут падать с высокой башни.

Под утро удалось поспать с часок, но проснулся свежим и бодрым, даже сам удивился. Потом вспомнил, какой тяжелый камень с души снял, сразу повеселел. Даже три тяжелых камня. Кристофер, Арлинг и Рикардо поведут свои отряды в головной группе, а еще они сразу же послали гонцов в свои земли, призывая остальных вассалов.

Сэр Растер гордился, что я нашел в себе силы и благородство повиниться перед рыцарями, у которых отнимал Лоралею. Макс тоже смотрит влюбленными глазами, да и другие говорят между собой о праведности их гроссграфа. Барон Альбрехт помалкивает и посматривает осторожненько, не зная, что думать.

А что там думать, я в самом деле все делал искренне и совершенно искренне признавал вину и собственную дурость, хотя, конечно, понимал, что от такого покаяния мне что-нить да обломится. По крайней мере, предыдущие мужья если и не перейдут в мой лагерь, то останутся хотя бы в нейтралах. Но получилось то, на что надеялся: все трое горят жаждой принять участие в великом походе за освобождение соседних земель от чего-то там. Или кого-то, это уже неважно. Всем нужно чем-то заполнить душевную пустоту, что образовалась после потери Лоралеи.

К Ришару де Бюю я в самом деле еще из крепости послал гонца, велел передать мое предложение возглавить победоносное войско Армландии. И, не давая ошалелому таким поворотом событий графу времени на раздумье, настойчиво попросил явиться к уже ожидающему его воинству. Еще больше заинтригует графа, как я понимаю, место дислокации рыцарской конницы: у подножья Хребта, в самом нелепом для сборов и неудачном во всей Армландии месте. Даже если я и дурак в военном деле, но не настолько же? Значит, какая-то тайна...

На военном совете барон Альбрехт еще раз усомнился в целесообразности давать графу Ришару столько власти. В свое время именно его прочили в гроссграфы, а если сейчас ему передать командование всеми войсками Армландии, то что остановит его от трона ее властелина?

– Граф, – сказал я через силу, – человек... мудрый. Мудрость – это не морщины, а извилины. Говорят, мудрость приходит на смену разуму, но все-таки мудрость – это совокупность истин, добытых умом, наблюдением и жизненным опытом... Я верю в графа.

– А ваши разногласия? – спросил барон в упор.

Я покосился на Кристофера, Арлинга и Рикардо, сидят тихо, мои на них косятся ревниво, новички еще не заслужили доверия, ответил как можно более твердо:

– Все в прошлом, барон. Все в прошлом. Мы начали новую жизнь.

Глава 6

Я планировал выступить в поход еще вчера, но отложил на сегодня, затем перенес на завтрашний день. Никто не должен знать, что нервничаю. Правитель должен излучать полное спокойствие и невозмутимую уверенность в скорой и окончательной, когда конкурентов по ноздри в землю, их жен и дочерей стелить нам постели, а скот и прочее имущество по праву силы победителям.

Наконец, когда я готов был уже отдать приказ о выступлении, примчался запыхавшийся гонец. Вздвигнув коня, прокричал сорванным голосом:

– К его светлости гроссграфу!.. Граф Ришар дэ Бюэй, владетельный сеньор...

Я быстро перебил:

– Веди сюда. Где он?

– С отрядом поднимается по дороге!

– Как близко?

– Сейчас покажутся из-за вон того холма!

Я быстро огляделся, сердце колотится, как у зайца, не перегнуть бы, иду по лезвию ножа, а граф Ришар хоть и рыцарь, но в то же время умудрен жизнью, опытом. Всяких проходимцев встречал, мой голос должен в разговоре с ним дрожать от искренности, я должен смотреть ему в глаза прямо и честно, иначе мне можно прямо сейчас головой в дерево.

Протрубили трубы, в лагерь въехали два знаменосца. За ними четыре трубача, все горделивые, в одной руке повод, другая красиво уперта в бок. Трубы за спинами, а с небольшим отрывом, чтобы не смешиваться с простыми, двигаются благородные рыцари. Граф Ришар впереди, красивый и величественный лев с седой гривой, шрамолицый, кумир молодежи.

Я с напряжением во всем теле смотрел, как он кивнул кому-то из моих рыцарей, тот сразу расплылся в довольной улыбке, помахал рукой другому. В ответ герою прокричали ликующе и восторженно, словно получили по мешку пряников. Сердце мое стучит все чаще, граф начал с того, что устанавливает контакт с моим воинством. Если вздумаю что нехорошее, то кто знает, поддержат ли: у графа репутация великого воина и полководца, он образец чести и рыцарской доблести, успешно бивал войска Гиллеберда, когда тот пытался вторгнуться дальше владений Хоффмана, однажды сам совершил карательный рейд в чужие земли и сжег там пару городов, предварительно разграбив и отдав всю добычу своим воинам.

Я терпеливо дожидался, когда Ришар сойдет с коня, даже мелькнула мысль подойти и поддержать ему стремя, но решил, что это чересчур. Мои рыцари такой жест поняли в отношении Рикардо, тот все-таки мал, и я себя не унизил, даже выказал благородство, а вот по отношению к графу может показаться заискиванием, такого гроссграфу уважать перестанут.

Ришар отдал повод оруженосцу, я видел, как он все продельывает замедленно, что и понятно, успевает собирать информацию по мельчайшим деталям и старается угадать, что за хитрость я придумал.

Я подошел с сияющим лицом и широкой радостной улыбкой.

– Я счастлив видеть вас, граф Ришар, – сказал я быстро. – Видите огромное войско? Оно жаждало вас!.. Под вашими знаменами – к победе! Даже – к победам!

Нахмурившись, он всматривался в меня пытливо.

– Что вы задумали, сэр Ричард? – спросил он в упор.

Я развел руками.

– Надеюсь, что возглавите это блестящее рыцарство, как вы уже не раз делали! И всегда успешно.

Он покосился в сторону сэра Растера, Альбрехта, Макса и других моих военачальников, куда я приткнул Арлинга, Кристофера и Рикардо, на них взгляд Ришара остановился особенно долго.

– Я хотел бы узнать подробности, – проговорил он наконец.

– Прекрасно, – воскликнул я ликующее. – Прошу вас, граф, в мой шатер!

Он шел впереди, красивый и надменный, настоящий полководец, а я забежал то справа, то слева, давая пояснения, даже сам откинул перед ним полог и придержал, опередив оруженосца, что вообще-то урон чести гроссграфа. С другой стороны, я в какой-то мере успел перехватить инициативу и даже нейтрализовал некоторые из его особо неприятных вопросов.

Вокруг шатра ни души, часовые следят, чтобы никто не приближался и не подслушал, однако граф остановился посредине и спросил негромко:

– Во главе всего войска?

– Да, – ответил я.

Он смотрел мне в лицо, я тоже смотрел, не моргнув глазом, наконец он спросил ровным голосом:

– Но вас предостерегали от такого опрометчивого намерения?

Я удивился:

– Опрометчивого?

Он неприятно улыбнулся.

– Не прикидывайтесь, сэр Ричард. Вы знаете, меня прочили в гроссграфы Армландии задолго до вас. Мы оба помним, какого цвета кошка между нами пробежала. Не считаете ли сами, что доверить мне руководство всеми вооруженными силами Армландии – огромный риск?

– Для Армландии?

– Для вас лично.

Я смотрел ему в глаза, стараясь не дрогнуть ни единой мышцей лица.

– Граф, вы меня обижаете!

– Чем? – спросил он с интересом.

– Тем, – сказал я со святым негодованием во взоре и дрожью в голосе, – что подумали, что я могу подумать!.. Как вы можете? Я же рыцарь, в конце концов. И святы рыцарские традиции во мне... э-э... святы. И незыблемы.

Он тоже долго всматривался в меня, я видел легкое замешательство в его холодных государственных глазах.

– Сэр Ричард, – произнес он медленно, – вы либо очень чистая душа, либо... гм... вполне, вполне...

Он подбирал слова, но, похоже, трудно выразить чувство полнейшего падения, не зная таких слов, как политик, законодатель, депутат, демократ, потому я поспешил прийти на помощь:

– Граф, мне просто подсказывает сердце! А сердце во власти Господа нашего, он вкладывает туда лучшие из побуждений. Я слышал голос, что должен поступить правильно... и я думаю, что поступаю вот именно так, как мне подсказано свыше.

Он все еще смотрел ничего не выражающим взглядом, затем лицо чуть потеплело.

– Сэр Ричард, – произнес он прежним голосом, – тогда позвольте мне развеять некоторые ваши сомнения.

– Какие? – спросил я настороженно.

– Насчет власти, – ответил он бесстрастно. – Уверяю вас, я к ней не стремлюсь. И, предвосхищая следующий вопрос, сразу скажу: узурпировать ваше положение я не собираюсь. Более того, настоятельно рекомендую немедленно собрать старших рыцарей и провозгласить вас гроссграфом!

Я пробормотал:

– Сэр Ришар... вы меня всякий раз ошарашиваете. Нужно общее собрание лордов Армландии.

– Нужно, – согласился он, – но раз уж вы никак не соберетесь, то сделаем хотя бы так. Прямо здесь и прямо в лагере! Легализация необходима. Я сам подам вам корону грессграфа.

Я прерывисто вздохнул.

– Сэр Ришар, вы ошеломили меня...

Он покачал головой.

– А я вас, сэр Ричард, не поверите, очень даже понимаю. Потому что увидел себя. Я точно так же панически шарахался от всякого управления, которое мне пытались навязать сперва дед, а потом отец. Мне куда проще было самому совершать подвиги. Сперва лично, потом – во главе небольшого отряда.

– Вы полководец! – возразил я.

Он кивнул.

– Да, потом вынужденно научился управлять большими массами вооруженного народа. Но, сэр Ричард, я же знаю, как теперь понимаете и вы, выиграть битву и даже войну несравнимо проще, чем хоть один день управлять страной! Войско двигается, куда прикажу, а вот население... гм... Когда побеждаю в сражении, слава обо мне летит и за пределы Армландии. Если же правитель из кожи лезет, обеспечивая жителей страны счастьем, о нем в лучшем случае не вспомнят. А то и все равно найдут к чему придраться и за что облаять. Простите, сэр Ричард, но после моей красивой и блистательной жизни полководца ничуть не хочется стать плохим правителем. А я все равно буду выглядеть плохим в сравнении с собой же вчерашним.

Я перевел дыхание.

– Граф, вы в самом деле меня поразили. Я не думал, что...

Он сказал с улыбкой:

– Что я вовремя остановился там, где вы все-таки сделали следующий шаг?

– Примерно так, – пробормотал я. – Только я не был полководцем.

Он кивнул, очень довольный.

– Я не скажу, что вы сделали опрометчивый шаг. Но отныне жить вам в свое удовольствие не придется. Проще говоря, почему я не хочу властвовать? Да потому, что сейчас добываю все нужное и просто интересное лично для себя! Так неужели я такой идиот, что возьму на себя обязательство добывать для всех жителей Армландии все, что им нужно?... Ох, простите, сэр Ричард!

Я кисло улыбнулся.

– Да, я сам себе уже не раз сообщил, что такого идиота еще поискать. Но... попался. Обязательства принял. Так что давайте определимся с нашими первыми шагами... Вот карта, граф. Взгляните внимательно.

Он подошел к столу, я видел, как брови поползли вверх. Глаза расширились, он некоторое время всматривался недоверчиво, обошел стол и посмотрел с другой стороны, наконец в великом изумлении повернулся ко мне.

– Сэр Ричард!.. Это же... я даже не знаю... Это не Армландия, не Фоссано, не Турнедо и даже не далекая Гиксия, хоть очертаниями и похожа...

– А зачем нам они? – поинтересовался я небрежно. – Добрые соседи, с ними будем торговать. Надеюсь, успешно. Это, дорогой граф, Сен-Мари. Королевство, что лежит по ту сторону Хребта.

Он вздрогнул, лицо посуровело. Некоторое время изучал взглядом мое лицо.

– Вы отыскиали путь на ту сторону?

– Да.

– Не через Перевал? – уточнил он на всякий случай.

– Через Перевал войско не перебросить, – сказал я то, что граф знает и без меня. – Иначе, боюсь, захребетное королевство уже подмяло бы нас. А затем и другие королевства Севера.

Он спросил сумрачно:

– Почему вы так думаете?

– Я бывал там, – объяснил я. – У них очень хорошая экономическая база. В смысле, гораздо богаче. У них лучше развиты технологии. Вы увидите, какие они делают доспехи, какие там мечи, арбалеты...

Он слушал внимательно. Наконец поинтересовался:

– И что вам позволяет думать, что сумеете победить в этой войне?

– И не просто победить, – подчеркнул я, – а победить малой кровью! Вообще лучшие из побед – бескровные войны.

Он кивнул, в глазах удивление только росло.

– Я это понимаю, но странно, что понимаете и вы. Молодость стремится к кровавым сражениям.

– Я старые книги читал, – ответил я уже заученно, – так что местами я молод, а местами... ну, как леопёрд, в пятнах. Захребетники за всю свою историю не подвергались нападениям, потому у них практически нет войска. Конечно, у всех лордов свои отряды, иногда дерутся, но, повторяю, за всю историю Сен-Мари не приходилось собирать королевское войско! Большое войско не для подавления внутренней смуты, а для борьбы с другим королевством.

Он кивнул, не сводя с меня изучающего взгляда.

– Я вижу, – сказал он ровным голосом, – это вы продумали. Главное, как проведете наше войско в... гм... Захребетию.

– Проведете вы, граф, – сказал я легко, – и вам достанется слава сокрушителя таинственного и ранее недоступного королевства Сен-Мари. Все было подготовлено втайне, здесь я могу себя похвалить! Вот даже вы еще не знаете, как мы туда попадем. Хотя, правду сказать, большинство лордов из моего окружения уже знают. Мне, граф, удалось открыть Тоннель Древних, проложенный под Хребтом. Там очень мощная магия, что защищает его... но я замкнул ее на себя. Так что могу открыть Тоннель и закрыть, открыть и закрыть, а если со мной что-то случится, то, увы, горные породы просядут, Хребет снова станет монолитным, словно прохода и не было.

Глаза его все расширились в великом удивлении, но когда я сказал о защитной магии Тоннеля, сказал встревоженно:

– Тогда, дорогой гроссграф, вы уж не лезьте в драки!..

– Постараюсь, – сказал я скромно. – У меня слишком большие планы в голове, чтобы рисковать получить по ней молотом. И все растерять. Вот, смотрите, главные дороги... здесь и здесь колодцы, а эту реку перейдем вброд, в этот месяц она почти пересыхает... Войска двинутся по очень богатой области, голодать не будут, вот здесь все занято стадами, край славится овцеводством... Там овец, как на болоте комаров...

Он слушал внимательно, запоминая и схватывая, взгляд скользил за моим пальцем. Потом граф сам начал задавать вопросы. Я только думал, что знаю уже все, но, к своему стыду, оказалось, что моих знаний совсем крохи того, что должен знать полководец. А Ришару нужно было знать количество ворот в каждой крепости, с какой стороны расположены, есть ли возвышенности вблизи городов, можно ли перекрывать доступ к воде, и множество других мелочей, на которые я не обращал внимания.

Рассматривал карту он с подозрением, кое-где измерял пальцами расстояние, дважды усомнился в точности расположения крепостей, я спросил в недоумении почему, он же не видел, как на самом деле, граф объяснил, что ни один строитель не поставит укрепление вот так глупо, если совсем рядом река делает петлю, так крепость была бы с трех сторон защищена водой, а с четвертой достаточно перекрыть вром с подъемным мостом...

После трехчасового обсуждения кампании он сказал негромко:

– Знаете, сэра Ричард... Это очень хорошо, что вы послали за мной. Наверное, все-таки обидитесь и, возможно, не поверите... но зачастую исход сражения зависит от того, привели вы людей и сразу бросили в бой или дали отдохнуть хотя бы часок. А исход войны чаще всего зависит от того, вовремя ли доставляют войску продовольствие, а коням – зерно.

Я прервал, видя, как ему трудно говорить такие очевидные для него и нелепые для молодого рыцаря истины:

– Что вы, граф! Я как раз это хорошо знаю!.. Ну да, старые книги, мудрые наставники... Потому и спихиваю все на вас. Вы уж сумеете уследить и за взятием крепостей, и за подвозом корма!

Он вздохнул с явным облегчением.

– Спасибо за понимание, сэра Ричард. Я боялся, что постараетесь решить исход войны... а это именно война, а не одиночное сражение, простым рыцарским тараном и безумной отвагой.

Глава 7

В армии происходит для человека вредное, но для государства – хорошее и нужное отролливание. Я понимаю, права личности и еще что-то там такое же возвышенно-непонятное, но если для личности нужно обэльфивание, а для государства отролливание – то я за отролливание, так как государство – это я.

Впрочем, в монастырях, лабораториях алхимиков и прочих особых экономических и даже политических зонах буду проводить политику усиленного обэльфивания. Правильно построенное государство всегда сбалансированно: тролли бдят и защищают, эльфы занимаются культуркой, а гномы производством. В гномы определим всех мастеровых, а также купцов и торговцев...

А я, конечно, человек. И, чтоб мне вдруг не заскучать, человеками будем считать всех моих вассалов и сторонников. А кто вдруг взбунтуется или не оправдает доверия, тоже разжалуем в гоблины. Гоблины – все прочее человечество...

Я медленно выныривал из сна в реальный мир, где не все так просто и хотя образы вообще-то причудливые, но какое-то зерно в них есть. Я словно бы побывал в том мире, где убийство уже не убийство, а статистика.

Утро восхитительно, словно мы в раю, а не в воинском лагере, где все жаждут лязга мечей, воинственных воплей, ударов топора, бешеной скачки и красивых подвигов! Долина еще в тени, но вершины гор давно искрятся, как расплавленное железо в горне, подожженные невидимым жаром с неба.

Меня быстро окружили военачальники, я выслушивал доклады, что все готово к выступлению, у каждого лицо светится, словно вершины гор под солнечным жаром, в глазах отвага, но я настороженно смотрел на шатер графа Ришара. Оттуда, пригибаясь, выходят один за другим мои военачальники вперемешку с вассалами самого Ришара. В сердце вонзилась острая игла: слишком быстро и много я передал графу власти, понадеялся на свое обаяние, дурак, или опьянел от успехов...

Последним из шатра вышел граф Ришар. Он хмуро и зловеще улыбнулся, увидев меня. Взгляд его темных глаз не предвещал ничего хорошего, а губы стиснулись в ровную линию.

Я успел увидеть, как он кивнул в мою сторону. Моя рука метнулась к мечу, однако множество железных рук подхватили меня и подняли в воздух. Я сцепил зубы и заставил себя ждать, качает, как на корабле в бурю, а от могучего рева множества голосов заложило уши.

Один раз, увлекшись, чуть не уронили, с той минуты я чувствовал под собой не только руки, но плечи и даже спины. Я не балеринная девочка, которую любой может поднять на руки, несут могучие быки, значит, уже сговорились и были готовы схватить, как только покажусь из шатра.

Внезапно я ощутил под собой нечто твердое, но не плечи, а ровную поверхность, и сумел воздечь себя в сидячее положение, в то время как ноги мои словно в стальных тисках, да и за спину и бока придерживают очень цепко, не вырваться.

Мои военачальники расступились, на высокий камень поднялся граф Ришар. Его приветствовали такими восторженными криками, что у меня сжалось сердце. Граф улыбался, кланялся и делал руками красноречивые жесты, посылая приветствия старым друзьям и тем, кто помнил его по прошлым битвам и сражениям. Седые волосы красиво падают на плечи, я подумал невольно, что это лучшая защита от сабли, никакое лезвие не просечет эту густую копну толстых волос, так что шея графа в безопасности... но не от тяжелого меча.

Прямой как тополь, он наконец повернулся в мою сторону и прокричал громко и властно:

– Слушайте все! Собрание лордов войска сэра Ричарда единогласно решило провозгласить его гроссграфом немедленно!.. Мы выступаем в большой и славный поход, что принесет

мир и счастье народам, и пусть не останутся у нас за спинами нерешенные дела!.. Ура гросс-графу Ричарду!.. Ура!..

Вокруг меня заорали сперва нерешительно, я чувствовал, что в толпе простых кнехтов ошарашены не меньше, чем я, потом завопили с таким неистовым энтузиазмом, что я обеспокоился за их сорванные глотки и за свои уши. Меня стащили со щита и, передавая из рук в руки, понесли в сторону нашей ехидно улыбающейся кучки.

Граф Ришар заговорил первым, голос его звучал твердо и непреклонно:

– Сэр Ричард, это нужно было сделать немедленно!

Я пробормотал ошарашенно:

– Вот так?

Он кивнул, в глазах кроме сочувствия с изумлением увидел я и странную искорку ехидцы.

– Да. Момент удачный.

– Но легитимно ли?

Он снова кивнул.

– В особых обстоятельствах – да. Потому я и предложил провозгласить вас гроссграфом Армландии, не дожидаясь, когда соберем всех владетельных лордов. Будем считать, что все владетельные – здесь! Войско порождает власть.

Ратники все еще продолжали веселиться и выкрикивать приветствия и здравицу гроссграфу Армландии, славному сэру Ричарду, но десятники и сотники уже забегали в толпе, выдергивая своих и понуждая вернуться в отряды.

Барон Альбрехт сказал осторожно:

– Вообще-то это похоже на демонстративное пренебрежение мнением лордов Армландии... Особенно тех, кто и предложил вам корону гроссграфа.

Сэр Растер прогудел:

– Шило из мешка вылезает быстро...

Но все поглядывали на графа Ришара, что меня уязвило, а он, выдержав паузу, произнес веско:

– Дорогой сэр Растер... с этим вопросом давно надо было покончить. Тем более не можем вторгаться в Сен-Мари под управлением просто сэра Ричарда! Народу нужно знать, что во главе стоит верховный лорд, которому принесли присягу остальные лорды. Потому я присягаю сэру Ричарду еще раз... Вернее, первый раз, так как раньше случая не было. И пусть все знают, что власть гроссграфа Ричарда монолитна, незыблема! Нет трещин, вообще никаких, и не стоит даже пытаться что-то рыть в этом поле.

Я молчал, украдкой переосмысливая случившееся. Граф Ришар доказал, что умеет действовать быстро и решительно. Он сразу увидел слабое звено и тут же моментально закрыл проблему. По сути он прав насчет единства мнений при вторжении, а также первым понял, что если лорды Армландии раньше не захотели искать компромисса в спорах друг с другом и строить систему противовесов, если сами захотели лорда над лордами, так не жалуйтесь же, что этот лорд быстро подмял все под себя.

Тирания, мелькнула горькая мысль, может возникнуть только при демократии. Когда люди не хотят договариваться и выбирают судью, который возьмет на себя решение их вопросов, то этот судья обычно берет на себя решение и других вопросов.

Я вскинул руку и сказал громко:

– Все, военный совет окончен! Граф Ришар, я вручил вам полное руководство собравшимся войском. Пешие отряды уже выступили через Тоннель, у них есть карты, но им велено сосредотачиваться на той стороне в безлюдном месте и ждать подхода конного войска. Действуйте!

В конце концов, стучала в голове мысль, мы живем в мире, где сила и натиск решают многое, если не все. Пока я сопли жевал с легальным избранием меня на трон гроссграфа... наверное, еще и демократичным с подсчетом голосов под надзором приглашенных наблюдателей из Фоссано и Турнедо, граф Ришар поступил быстро и жестко. Это как Цезарь, когда ввел войска в пределы Рима, или король Карл, упразднивший парламент. Несогласные быстро становятся согласными. Даже более согласными, чем другие согласные.

К Тоннелю я подъехал уже узаконенным гроссграфом. Пространство перед ним заполнено конным войском, стоят стремя в стремя, лица тревожные, я вижу в глазах многих восторг и одновременно страх: чувствуют всю нависающую тяжесть Хребта.

Мне давали дорогу, теснились, я оглядывал войско и ощутил, что граф Ришар очень грамотно распределил командование отрядами, каждому дав четкий план, что и как сделать, где сломить противника и куда потом выйти для соединения с основными войсками или же что делать дальше. Он прекрасно понял задачу и военачальникам твердил, как заклинание, что победа наша не в затяжных боях, а в стремительных захватах городов и крепостей противника.

Даже по виду войска заметно, что это не огромная вооруженная масса, а скомпонованные боевые единицы, от самых малых в десяток человек до огромных отрядов в одну-две тысячи. И у всех свои четко очерченные задачи. Там в Армландии я обычно присутствовал на раздаче заданий с видом верховного гаранта, обычно помалкивал, а если и ронял пару слов, то это были в основном намеки на то, что, кто отличится при захвате каких крепостей или городов, тому они, скорее всего, и отойдут либо во владение, либо в наместничество. После таких моих слов даже у самых ярких романтиков глаза становились похожи на золотые монеты, копыта начинали в нетерпении рыть землю, словно везде закопаны кувшины с драгоценностями...

Альвар Зольмс приблизился на красавце буланом жеребце с красной гривой, лицо сияет молодой отвагой, рука взметнулась в салюте.

– Сэр Ричард! Я взял на себя смелость затребовать остальные подчиненные мне в Фоссано войска.

– Прекрасно, граф, – сказал я. – Вы не прогадаете.

– Я тогда еще не знал, куда направимся, потому велел накапливаться в крепости «Слово Ричарда».

Я удивился:

– Что еще за крепость? Почему не знаю?

Он посмотрел на меня с укором.

– Сэр Ричард, вы так и не дали имени своей крепости! А это нехорошо.

– Да все некогда было, – пробормотал я.

– Но людям как-то надо ее называть? Вот и придумали.

– Но почему именно «Слово Ричарда»?

– А все знают и ужасаются, что была построена за одну ночь по единому вашему слову.

Я буркнул:

– Ну, вообще-то слов было много. Поуговаривать и поуламывать пришлось. Но... ладно, «Слово Ричарда», так слово. Хотя и длинно.

Он сказал спокойно:

– Ничего, сократят. Так всегда делают. Будет просто «Слово», вот увидите.

Я поежился.

– Как бы церковь не обиделась.

На его широкой роже расплылась, как тесто по горячей сковородке, хитрая усмешка.

– При чем тут церковь? Подумают на другое слово. Не совсем церковное... Словом, полагайте добавочным войском тоже.

– Спасибо, граф, – сказал я любезно. – Все понадобятся. Можете оставить здесь своего человека, чтобы перенаправил их за нами вдогонку.

Он воскликнул:

– Это ваше право, сэр Ричард!

Я мягко и державно улыбнулся.

– Сэр Альвар, я не собираюсь изымать их из вашего непосредственного командования. Достаточно и того, что командую вами.

– Спасибо за доверие, сэр Ричард!

Я видел обращенные в мою сторону лица, нужно что-то сказать такое, чтобы у всех удвоились силы. Я привстал на стременах и прокричал яростно:

– По ту сторону Хребта богатое сытое и развращенное до мозга костей королевство захребетников! Те люди давно забыли о чести, доблести и благородстве, в чем вы все вскоре убедитесь с ужасом и отвращением! Правит ими король Кейдан, хуже которого и подлее трудно найти человека! А еще его окружают худшие люди на свете... и потому у нас не должно быть никаких сомнений, что мы вправе нести цивилизацию на остриях своих копий, на лезвиях мечей и топоров. С нами Бог, так кто же против нас?

Барон Альбрехт первым вскинул руки и прокричал громко:

– На захребетников!

Следом заорал громовым басом Растер, со всех сторон раздались крики:

– На безбожников!

– Смерть забывшим Господа!

– Во славу церкви!

– Сместим Кейдана!

– На еретиков!

– Во имя Господа!

– С нами Бог!

Я вскинул руку и сказал громко, но уже спокойнее, ни к чему не призывая, а как напоминают о деле давно привычном и решенном:

– Владетельные лорды нашего войска станут еще богаче и могущественнее. Безземельные рыцари получают в кормление богатые села и хорошие угодья. Вы знаете, что поддержавшие меня, когда я прибыл в Армландию, получили земли и даже замки. Сейчас перед нами страна намного больше Армландии! Это богатое, очень богатое королевство, где люди забыли о Боге и справедливости. Потому мы не только вправе, мы просто обязаны нести туда истину в наших пламенных сердцах и на остриях наших мечей!.. Простые ратники вернутся богачами. А кто захочет, тот и оседет там на богатых и обильных землях. Итак, с Богом, вперед!

Народ ликовал и потрясал оружием. Всюду я видел обращенные ко мне, как подсолнухи к солнцу, преданные лица. Мелькнула тревожная мысль, всегда ли так будет, а то что-то слишком уж хорошо, тьфу-тьфу, мне так везет, что надо хоть палец прищемить, что ли...

Барон Альбрехт подъехал на красавце савраске, подозрительно высоком и тонконогом, явно из конюшни графа Ришара, сказал тихонько, двигая одним уголком рта:

– Хорошая речь.

– Не сомневаюсь, – буркнул я.

– Даже великолепная, – сказал он тихо. – Чувствуется в вас некая школа... Не могли же вы все так продумать? Эффектно, умело и сбалансированно. Чтоб и борцами за правое дело все выглядели, но и про богатейшую добычу знали. То есть и чистые души вроде Макса будут в энтузиазме, и любители пограбить. А некоторые, вроде сэра Растера, вообще вдвое...

– Сэр Растер, – согласился я, – богатая натура.

– Разносторонняя, – согласился он.

– За что и любим его, верно?

– Одних подвигов ему мало, – сказал барон со вздохом, – но и только ради добычи не станет... Люблю с такими общаться. Иногда он так ошарашивает!.. Тамошний король в самом деле скотина?

– Редкостная, – подтвердил я. – Правда, он там не один...

– И все там такие падшие? – усомнился он.

Я поморщился.

– Барон, вы меня удивляете! Эта речь рассчитана на поднятие ярости масс, на воспламенение энтузиазма...

Он посоветовал:

– Тогда еще нужно пару раз упомянуть, что богатое не только королевство, но и люди. А то лорды расхватают земли, а простым воинам нужна добыча попроще.

– Я же сказал!

– Простым нужно повторять и повторять, – сказал он наставительно. – Пусть даже начнут бурчать, что повторяетесь. Там в самом деле народ богаче?

– Да, барон.

– Тогда еще и я проведу добавочную работу, – сообщил он. – Люди должны рваться в бой, обгоняя друг друга. И стараться первыми ворваться в любой город противника.

Отец Дитрих и его священники обходили войско, давая общее благословление нашему войску, а некоторые прошлись по рядам и еще больше укрепили боевой дух обещаниями вечного рая погибшим за веру и культуру.

Сам отец Дитрих подошел ко мне и, глядя снизу вверх, сказал твердо:

– Сын мой, я со своими братьями отправлюсь с головным отрядом.

– Отец Дитрих! – вскрикнул я.

Он покачал головой.

– Сын мой, так надо.

– Не лучше ли, когда укрепимся?

Он снова покачал головой, голос прозвучал твердо и ясно:

– Сын мой, понимаю твою заботу и благодарю за нее. Но дело слишком серьезное. Наши люди должны верить, что несут свет и правду в темные страны. Тогда всяк сражается яростнее и самоотверженнее. А мы, церковь, должны сразу видеть, с чем придется столкнуться.

Я пробормотал:

– Да это я понимаю...

Он мягко улыбнулся.

– Я же сказал, благодарю. Ты можешь не говорить, я читаю в твоём сердце, что ты просто оберегаешь меня. Спасибо!

Глава 8

Меня встревожило, что граф Ришар отряды Кристофера де Марка и Арлинга поставил рядом, не случилось бы чего, но граф заверил, что в данной ситуации они оба, как истинные рыцари, будут относиться друг к другу с предельной деликатностью и моментально приходить на выручку, «как бы чего не подумали», да и вообще, вы же, сэр Ричард, понимаете...

Я кивал, делая вид, что понимаю, но и в самом деле почти понимал, точнее, чуял, что да, примерно так оно и будет, теперь соображаю. Сэр Растер и даже барон Альбрехт несколько не сомневались, что деликатное отношение бывших мужей Лоралеи поможет взаимодействию их отрядов в бою.

Первыми в Тоннель вошли отряды тяжелой конницы графа Ришара, барона Варанга, графа Арне Дюбле, отдельно движется лучшее в Армландии конное войско под началом барона Диаса, бароны Комтур и Лабард привели большие отряды, замаливая грехи за поддержку Хофманна. Даже граф Инкризер, домосед и человек влюбленный в жену, привел большой отряд. Я сам залюбовался на первую сотню рыцарей, что идут под личным знаменем Ришара: все в одинаково добротных доспехах, только шлемы да плюмажи разные, на великолепных конях, граф Ришар не пожалел посадить своих вассалов на лучших в Армландии коней. Даже после долгой скачки из владений Ришара к месту сбора им хватило отдохнуть одной ночи, чтобы сейчас рыцари ехали на свежих, сытых и полных сил зверях с огненными глазами.

Дальше красиво и гордо едут отряды барона ля Бержа и маркиза Ангелхейма, а замыкают передовое войско опять же ратники сэра Максимилиана. В последнее время он увлекся новыми возможностями комбинированного строя копейщиков, ратников и лучников, я всячески подбадривал, чтобы не стыдился заниматься с простым человеком, предрекал большое будущее пешему строю. Сейчас все с одобрением смотрели, как кнехты идут непривычно ровными рядами, шагают в ногу, все одинаково одеты, у всех одинаковое оружие: копейщики топают отдельно, мечники – отдельно, лучники и арбалетчики своими отрядами, а не все одной толпой, как бывало раньше.

Правда, выше всего сердце подпрыгнуло в радости, когда увидел трепещущее по ветру знамя барона Жарнака Легри. Серый и неприметный, очень осторожный и непримечательный хозяин, он не отличился ни в битвах, ни на турнирах, ни в светском общении, и вдруг здесь с довольно большим отрядом! Какое может быть лучшее доказательство, что все верят в успех моего предприятия?

Я остановил у входа в Тоннель Ришара, а с ним тут же остановились барон Альбрехт и сэр Растер.

– Когда выйдете из Тоннеля, – напомнил я, – там очень удобная низина, окруженная камнями. Накапливайтесь там, не двигайтесь с места, чтобы вас не увидели раньше времени.

Ришар спросил настороженно:

– А вы не с нами?

– Я поеду вперед, – сообщил я, – сообщу герцогу о нашей благородной миссии. А вам рекомендую дождаться моего возвращения здесь. Все равно догоните пеших.

– Копейщики и ратники Максимилиана уже выступили, – напомнил барон Альбрехт.

– Догоните, – повторил я, – хотя, конечно, если не терпится...

Ришар кивнул, да, разумнее руководящему составу подождать здесь, а барон Альбрехт учтиво осведомился:

– Если не секрет, какова цель нашей благородной миссии... я имею в виду, в интерпретации для герцога?

Я удивился:

– Ну конечно же, защитить герцогство от непомерных притязаний короля Кейдана!.. Тот в стремлении к мировому господству готов подавить все очаги самоуправления на местах, насадить всюду своих людей... Это чудовищно несправедливо! Вертикаль власти – это просто гадко. Так что наша единственная цель – защитить герцогство. Ну, а там придется нанести несколько превентивных ударов...

Растер, все еще не привыкший к моей терминологии, спросил обалдело:

– А это чё?

Сэр Ришар сказал усмешливо:

– Насколько я улавливаю мысль сэра Ричарда, это дать сдачи. Заранее! Пока противник еще и не додумался напасть. Гнусно напасть.

– Все точно, – одобрил я. – Так что действуйте по плану. Я пока поскачу в крепость и постараюсь подготовить торжественную встречу. В нашем лице должны видеть хотя бы союзников. Еще лучше – освободителей, но ни в коем случае не вторгателей.

Пешие отступали к стенам, Тоннель просторен, а мы с Зайчиком с грохотом копыт вихрем пронеслись по этой ярко освещенной трубе. Бобик мчится позади, по обе стороны металлический блеск доспехов, щитов, шлемов и оружия сливается в непрерывные мерцающие полосы.

Впереди блеснул золотой огонь, грохот копыт оборвался, мы выметнулись в залитый солнцем необъятный мир. Стало слышно чириканье птиц, Бобик шурился и громко чихал, Зайчик довольно заржал и без команды пошел вниз. Дороги нет, как и бездорожья, я крутился в седле, оглядывая окрестности: сколько понадобится людей и за сколько дней уберут камни. Войска пройдут везде, а караванам нужно двигаться по прямой прямо к черному зеву Тоннеля.

Место хорошее: внизу понижается плоскогорье, дальше вообще зеленая долина. Зайчик с галопа перешел в карьер, мы неслись некоторое время сквозь ветер и свист в ушах, наконец вдали показались отвесные горы, между которыми, как пробка, и выстроена крепость рода Валленштейнов.

Я заорал было что-то веселое, из каждой песни знаю не больше двух строк, как вдруг слова застряли в горле, словно кто-то с силой вбил их обратно.

Зеленая долина, что ведет к крепости, а потом и внутрь герцогства, пестрит огнями! А еще там шатры, шатры... Зайчик замедлил скок, чуя мою тревогу. Забравший далеко вперед Бобик вернулся и пошел рядом, то и дело поглядывая на меня снизу вверх с вопросом в умных глазах.

Шатры, десятки шатров, но не рыцарские, а грубые, сшитые из шкур. Порыв ветра донес запах гари, ароматы жареного мяса, сожженных стволов дерева. Костров не десятки, а сотни, а теперь уже видны фигурки людей, множество коней...

Повеяло угрозой, я огляделся, вроде бы никого, хотя сердце стучит, как у пойманного зверька. Над головой шумно хлопнуло, пахнуло ветром. Я едва успел поднять голову, прямо из синевы неба ко мне стремительно приближается огромная, закрывая весь мир, отвратительная гарпия с хищно перекошенной мордой и оскаленными зубами. Я скатился с седла, как мешок с зерном, больно ударился о камни. Сверху жутко заскрежетали когти по седлу, а Зайчик нервно переступил с ноги на ногу и попробовал встать на дыбы.

Я наконец-то сорвал с пояса болтер, но выстрелил в другую тварь, та сменила вектор атаки и падала на меня, намереваясь пригвоздить к земле. Я ужаснулся при виде летящих мне в лицо страшных крючковатых лап с острыми когтями, в этот миг два болта пробили ее тело насквозь. Мне на грудь обрушилось не по-птичьи тяжелое тело. Когти все-таки вцепились в последней судороге, я рычал и, одной рукой спихивая с себя, стрелял вверх, там на малой высоте еще две. Третья уселась на Зайчика и свесила ко мне голову на длинной, морщинистой, как у старухи, шее.

Мелькнуло черное тело, гарпия задушенно каркнула. Бобик подмял ее под себя и мигом задушил. Две уцелевшие гарпии замахали крыльями чаще, медленно набирая высоту.

– Нет уж, – прорычал я оскорбленно. – Нет уж...

Дрожащими руками сорвал с седла лук, быстро натянул тетиву и выпустил одну за другой стрелы. Первую трянуло так, что полетели перья и крупная рыба чешуя. Оставшаяся в живых не стала набирать высоту, а, распутив крылья, быстро-быстро заскользила в сторону. Я послал вдогонку три стрелы, раненая гарпия дико закричала, начала снижаться и рухнула за камнями.

Я провел рукой по груди и плечу, раны затянулись, но одежда изорвана в клочья. Бобик поднял голову и смотрел с вопросом.

– Молодец, – сказал я дрожащим голосом. – Спасибо, лапочка...

Он завилял хвостом и бросился целоваться. Зайчик нервно дергал ушами и дико косился по сторонам. Я пинком перевернул тело сперва той, которую застрелил, потом задушенную Бобиком. Жуткие уродливые существа, страшные именно подобием человеку: искривленному и уменьшенному, с перьями, чешуей и волосами на теле, выжившие только благодаря какой-то части интеллекта.

Бобик обнюхал их и отступил, всем видом показывая, что такую гадость есть не станет, даже если обдеру и хорошо зажарю.

– Я тоже не стану, – сказал я. – На всякий случай. А то слишком похоже, будто какую-то человечину будем жрать...

С гребня хорошо видно, что внизу в самом деле лагерь, не почудилось. Не рыцарский, у рыцарей шатры из тонкого полотна, а здесь из грубо сшитых шкур... Еще сотни костров, тысячи полуголых мужчин с топорами за спинами, табуны мелких лохматых коней...

Громада крепости все так же перекрывает узкое горлышко входа в герцогство. Что новое, так это полоса высокого вала, им перекрыта дорога в крепость... точнее, из крепости к лагерю, как теперь понимаю, загадочных степных варваров, о которых так много слышал.

– Тихо-тихо, – сказал я предостерегающе Бобику, что рычал и рвался помчаться вперед и вниз. – Мы не знаем, что они такое...

Он обернулся и посмотрел на меня с удивлением. Я жадно всматривался в лагерь, так грубо и неожиданно разбивший вдребезг все мои тщательно продуманные планы. В черепе стучало: так вот вы какие, степные варвары... так вот вы какие... Чем-то похожи на викингов, только в отличие от белокожих исполинов Скандинавии этих настолько прокалило южное солнце, что блестящие тела выглядят коричневыми, словно обкатанные отступившими волнами валуны.

Почти все раздеты до пояса, я придиричиво оценивал их фигуры и признал с неохотой, что мои рыцари уступают, уступают. Варвары сложены прекрасно, кроме того рослые, здоровые, налитые нерастратченной силой. Я смотрел, как ходят, расставив руки, громко хохочут, пихаются, и понимал, что у них культ силы и здоровых тел. Если у кого и намечается позорящее мужчину пузо, то такой старается подтягивать, напрягать мышцы живота, ведь все на виду, нет одежды, «скрывающей недостатки фигуры».

Кони, напротив, мельче наших, но и от них веет звериной силой, выживаемостью, выносливостью. Такие могут прокормиться любой травой и любым ее количеством, это нашим подавай отборную пшеницу или лучший ячмень. Щиты у варваров круглые, деревянные. Хороши от стрел, но не выдержат удар топора или тяжелого рыцарского меча. Кто-то в длинных штанах, многие в укороченных, некоторые вообще в шортах, поверх которых тяжелый пояс с подвешенными к нему ножами, мешочками, флягами.

Бобик зарычал, шерсть поднялась, он подался вперед всем корпусом. Я не сразу понял, что не скала выдвинулась из-за дальнего высокого шатра, а исполинский человек в два, а то и в три моих роста. Вышел, шагая тяжело и грузно, опустил перед таким же великанским

костром, в котором горят целые бревна. Сидя, возвышается над остальными на половину корпуса. Правда, вокруг него пусто... это же огр, настоящий огр в лагере варваров!

– Ничего себе, – сказал я вслух ошарашенно. – Что за... демократы такие?..

Бобик поднял голову. Я встретил взгляд недоумевающих глаз. Это же понятно, сказал он мне молча. Варвары превыше всего на свете чтят силу, а огры вот какие! Другое дело, как это огров удалось выманить из их гор и уговорить пойти рушить города людей...

– Да, – сказал я горько, – ты прав, а я дурак... И вообще дурак, размечтался покорить Захребетье... даже не подумав, что на это поле могут выйти и другие игроки!

Зайчик тоже начал посматривать на меня с нетерпением. Я вставил в ногу в стремя, Бобик запрыгал вокруг и сделал вид, что сейчас перекусит арбогастру ноги. Зайчик лениво стукнул его копытом, Бобик увернулся в последний момент и злобно скалил зубы.

– Хорошо, – сказал я со вздохом. – Мы не гордые. Промчимся прямо. Авось ворота открыты успеют...

Была мысль в самом деле пронестись через середину лагеря. Никто и глазом не успеет моргнуть, как окажемся на той стороне, вал для нас не помеха, как и ров, а там ров наверняка... но кто знает, что за лагерь, только ли в нем отважные и тупые варвары? Шаманы бывают весьма смышленные, да и вообще, кто избегает неприятностей, того они избегают тоже.

Я вошел в шкуру исчезника, в таком виде совершили большой полукруг, объезжая лагерь, а потом промчались вдоль отвесной горы и выскочили вблизи стены крепости. За земляным валом довольно глубокий ров, но Зайчик легко перемахнул, Бобик не отставал. Варвары от стен далековато, даже лучший из лучников не добросит стрелу, однако огромного черного коня с пустым седлом и большую собаку заметили, конечно же, сразу. В лагере поднялся крик, с десяток лихих героев вскочили в седла и разбирали поводья. Я не успел глазом моргнуть, как они понеслись в нашу сторону.

С верха ворот раздался вопль:

– Да открывайте же скорее!..

Заскрипело, зазвенели тяжелые цепи. По ту сторону натужно закричало огромное колесо, но я больше прислушивался к нарастающим за спиной крикам. С верха ворот полетели стрелы. Створки начали приоткрываться, Бобик протиснулся первым. Я направил Зайчика в щель, на спину упало тяжелое, я отпихнулся, чувствуя горячее потное тело, вышел из личины как раз в момент, когда втиснулись вовнутрь.

Ворота сразу закрыли, пока в лагере не опомнились и не воспользовались возможностью пожить на оплошности защитников. С конского крупа сполз и упал на землю полуголый воин с тремя стрелами в груди и плечах и одной торчащей прямо из темени.

Народ опасливо смотрел на Бобика, со стены тяжело спускался, ступая сразу через две ступени, Мартин Беар. На воротах счастливо кричали, что явился сам сэр Ричард, тот самый, ага, так что будет всем щасте, с сыном герцога не соскучимся.

Я въехал во двор, с некоторым удивлением ощутив, что уже не обращаю внимания на громкое перечисление моих титулов. Мартин за это время стал еще шире, но лицо все такое же суровое, глаза голубые и недоверчивые, широкий и совсем не потерявший формы подбородок и твердый рот, что сейчас расплывается в счастливой улыбке.

– Сэр Ричард!

Он отдал салют, но я, снова напоминая, что мы с ним оба рыцари, обнял его, на мгновение ощутил жесткую, как у кабана, щетину на подбородке.

– Тебя можно застать в постели? – поинтересовался я. – Или ты и спишь на стене?

Он засмеялся.

– Нет, просто начали тревожить эти пустынные сволочи.

– Штурмовать пробовали?

Он кивнул.

– Да. Но не всерьез. Не последние дураки, понимают, на такие стены не взобраться. Но выход нам перекрыли.

– Разберемся, – пообещал я, хотя по телу пробежал предостерегающий холодок. – Всему свое время.

Он спросил шепотом:

– Началось?

– Да, – ответил я. – Ты не забываешь, что на тебе теперь не только крепость, но и все герцогство?

Он виновато развел руками.

– Да, помню, вы так и сказали. Но для меня это многовато... Да и герцог всем занимается сам. После того, как вы велели скрыть все лишние крепости, герцог просто помолодел!.. С ним теперь Винченц, вину чувствует, из кожи вон лезет, старается быть полезным...

– Но больше служит леди Элинон, чем герцогу?

Мартин развел руками.

– Что делать, верен, как пес... Но леди Элинон верна герцогу, так что все пока хорошо. И если бы не эти подступившие степняки...

– Разберемся, – пообещал я с натугой, надо что-то сказать, Мартин смотрит с надеждой. – Как обстановка в самой семье?

– Герцог еще не вернулся, – доложил он.

В его сдержанном голосе прозвучала такая тревога, что я поспешил сказать:

– Путь неблизкий, Мартин!..

Он кивнул.

– Да, понимаю. Леди Дженифер все так же слушает баллады Патрика, молодой Родриго начал подрастать...

– Быстро? – спросил я.

Мартин понял, покачал головой.

– Нет, как обычно. В смысле, как и положено детям. Леди Элинон не может колдовать без своих снадобий, а вы ж велели все запереть и свою печать поставили! Так что ни сдерживать его рост не может, ни ускорить. А чего нам ожидать, сэр Ричард?

Я развел руками.

– Даже не скажу теперь. Честно говоря, я совсем растерялся, Мартин! Этих степных варваров я как-то в расчет не брал... А так мои войска проходят по Тоннелю на эту сторону Хребта. Как только соберутся, выстроятся в боевые порядки, можно бы и начинать... но теперь я уже и не знаю, что делать. Эти гады все испортили!

Он сказал хмуро:

– Я тоже не люблю неожиданности.

– А уж как я не люблю, – сказал я с тоской.

Глава 9

По дороге к донжону я косился по сторонам, на этот раз крепость еще больше поражает шумом и многолюдием. Если в прошлый раз я был удивлен неким запустением, крепость чересчур велика, а людей нет, то сейчас от народа буквально не протолкнуться. Огромный двор запружен телегами, волю печально мукают, конюхи бегом водят по кругу разгоряченных после скачки коней, у раскрытых дверей подвалов сгружают с подвод мешки с зерном. Везде блестит железо доспехов, среди простых латников частенько видны рыцари. Некоторые одеты и вооружены настолько плохо, что отличаю только по золотым шпорам, другие же, напротив, самому герцогу дадут фору в снаряжении.

На меня оглядывались с интересом, мы все трое слишком огромны: я, конь, Пес, но потом кто-то вскрикнул, что прибыл сам Ричард Длинные Руки, тот самый, да, и во дворе наступила пугающая тишина. Мне поспешно уступали дорогу, да что там уступали: убегали, словно я одним взглядом убую все, что впереди.

Ну и хорошо, это же те, кому я сам велел нести службу здесь, в крепости, а не плести интриги по расчленению «зеленого клина», как они пытались называть герцогство Брабант.

Коня я передал в руки конюхов, Бобик весело гавкнул, сообщая, что здесь ему все знакомо, надо бы проверить, в каком порядке кухня. Ничего, стоит только свистнуть, он даже от котлов с мясной похлебкой прибежит...

К донжону я шел по краешку сада, сердце застучало взволнованно, еще не сообразил, чего это оно, и тут из-за деревьев вышли леди Дженифер, я ее сразу узнал, с нею мальчишка, а вот в нем я Родриго обнаружил с удивлением: как вырос!

Дженифер остолбенела, пухлый рот приоткрылся, показывая острые зубки, но на этот раз мне совсем не казалось, что жахнет тяпнуть меня за палец, с визгом бросилась ко мне. Я поспешно растопырил руки, она бросилась на шею и осыпала щеки поцелуями.

– Рич!... ты вернулся!

Родриго подошел и смотрел с неодобрением, сестра висит у меня на шее, нехорошо, на ее месте лучше бы висел он, мой друг. Дженифер наконец опомнилась, но я держал ее на весу, и она выгнулась в пояснице, отстраняясь.

Я с нежностью смотрел в ее чистые глаза, это у Даниэллы они невинно-голубые, а у Дженифер яркая синь, насыщенная и пугающая, радужка громадная, такие глаза околдовывают, я смотрел в них и не мог отвести очарованного взгляда.

– Ох, Ричард, – произнесла она наконец тихо, – опусти меня на землю...

– Ты назвала меня Ричем, – напомнил я, мои руки держали ее крепко, наши взгляды сомкнулись, на щеках Дженифер проступил легкий румянец.

– Это от неожиданности, – сказала она протестующе, – Тебя так Даниэлла называла.

– А ты ее за это чуть не головой о стену лупила.

Она сказала чуть смущенно:

– Я ее защищала, мы же сестры. Ты насовсем?

– Хотел бы, – ответил я абсолютно честно и снова забыл отпустить ее на землю, Дженифер тоже не напустила. – Я постоянно вспоминал тебя, Дженифер...

– Правда?

– Ну да, – ответил я, – даже твой острый язычок...

Она спросила тихо:

– Даже? А что еще?

– Что ты очень красивая, – ответил я так же тихо. – Что беззащитная, как прекрасная роза...

Она прошептала:

– Как? А мои шипы?

– Ты всегда, – сказал я, – колола ими при каждом удобном... и неудобном тоже... но в этом злом мире срывают и розы.

Она продолжала упираться мне в грудь обеими руками, но ее руки все слабели, и она медленно приближалась ко мне. Я чувствовал то странное очарование, что всегда охватывало меня в ее присутствии. Раньше мы оставались по разные стороны некой баррикады, держаться было легче, а сейчас между нами никаких барьеров...

Я сделал над собой колоссальное усилие, мои руки начали деревянно опускать ее легкое тело, пока туфельки не коснулись пола. Дженифер ощутила, что пальцы уже не сжимают ей талию, вскинула на меня растерянный взгляд, в котором обида смешивается с растущим осознанием, что делает что-то не так... и что я пожертвовал чем-то важным для себя, самоотверженно воздвигнув барьер снова.

Родриго все это время не шевелился и ничего не говорил. Я вспомнил, ему на самом деле уже пятнадцать лет, понимает больше, чем можно подумать, глядя на его невинное детское лицо.

Бросил на него взгляд, но Родриго ответил чистой и преданной улыбкой. В конце концов, я хоть и разорил их родовое гнездо и велел срыть их замок, зато ему позволил расти и стать рыцарем, как он мечтал, а не оставаться вечно в теле милого пятилетнего малыша.

Из-под обшлагов его костюмчика кокетливо выглядывают большие розовые манжеты. Чтобы не смотреть на Дженифер, я присел перед ним и поинтересовался:

– Хочешь быть капитаном корабля?

– Хочу! – ответил Родриго, не задумываясь.

За спиной я услышал долгий печальный вздох, потом Дженифер спросила вроде бы с изумлением, но на самом деле с полнейшим равнодушием, только чтобы показать, что и она пришла в себя:

– Что за дикая мысль? Почему именно капитаном?

– Не знаю, – признался я. – Вдруг показалось... с детства запомнил один стих про капитанов, там есть такие строки:

...Или бунт на борту обнаружив, Из-за пазухи рвет пистолет, Так что сыплется золото с кружев Розоватых брабантских манжет...

Она посмотрела на розовые манжеты Родриго.

– В Брабанте, – возразила со смехом, – кружева делают не только розовые! Если бы не было неприличием пригласить вас в мою комнату, я бы вам показала всякие...

Я посмотрел в ее вырез платья, Дженифер поняла мой взгляд и густо покраснела.

– Сэр Ричард, – сказала она негодуя и вместе с тем беспомощно, – а имела в виду не на себе!

– Да-да, – согласился я поспешно, – ничего страшного, если вы не носите кружева.

Она топнула ногой.

– Я ношу!.. Но показывать не стану!

– Да ладно, – сказал я примиряюще, – вы же не знали, что появлюсь, вот и не надели приличные. Ничего, леди Дженифер, оставим кружева. Нет их и не надо, мне огромное удовольствие смотреть в ваши чистые ясные глаза.

Она в самом деле тут же вскинула на меня взгляд чистейших ясных глаз. Я увидел в них немой вопрос: в самом ли деле нам нужно продолжать эту пикировку? Для других это забава, а мы с самого первого дня чувствовали, что цепляемся за нее, чтобы остаться в привычном уютном мире и не дать подхватить себя некоей грозной силой, которой уже не сможем сопротивляться.

– Пошлите кого-нибудь, – попросил я, – чтобы доложили о моем прибытии леди Элинор.

Она кивнула.

– Да-да, сэра Ричард... В отсутствие моего отца она здесь распоряжается, как в своем замке.

В ее словах проступала то ли обида, то ли тревога, я пообещал себе разобраться, но вслух сказал только:

– А я по дороге загляну к Уэстефорду.

– Соскучились?

– Нет, но он больше всех выиграл от случившегося. Хочу понять, насколько.

Подходя к крылу здания, в котором расположился Уэстефорд, я вспомнил, что еще в тот раз смутно удивился тому, что у обоих магов герцога площади были поменьше, даже учитывая, что Вегецию он дал в распоряжение башню, а Жофру – просторный подвал.

На меня смотрели с неодобрением, когда я толкнул массивную дверь и, пригибаясь, переступил порог. Я чувствовал, что вхожу в нечто большее, чем просто в лабораторию заурядного мага. Во-первых, размеры, здесь могла бы разместиться гильдия магов, во-вторых, стен не видать под заставленными всяким хламом стеллажами, на полках кувшины, ларцы и множество всякой дребедени.

Помимо огромного стола, сплошь заваленного обломками всяких черепков с полустертыми письменами, в зале части деревянных станков, окованных старой потускневшей медью. В полутьме холодно поблескивают металлом дверные ручки. Думаю, у Уэстефорда не только есть еще помещения, но он занял еще и пару этажей повыше. Как и подвал...

Спиной ко мне возится с тиглями высокий старик в синей остроконечной шляпе с широкими полями и в синем халате. Уже по нему узнал бы Уэстефорда, он никогда не изменял синему цвету. Жидкие белые волосы все так же падают на плечи и спину, а когда повернулся на стук моих шагов, я увидел все те же роскошнейшие усы и бороду, что закрывают лицо, оставляя место только для тускло сверкающих из-под таких же снежно-белых кустистых бровей глаз, крючковатого носа и малозаметной дыры для рта.

Испепеляющий взгляд, который он приготовился вперить в наглеца, мигом погас. Я саркастически улыбался, Уэстефорд торопливо поклонился:

– Ваша милость... ваша светлость...

– Я тоже рад тебя видеть, – прервал я. – Я снова здесь, как и обещал.

– Ах, ваша светлость, – проговорил он поспешно, – а как же, как же...

Он суетился, делал руками трудноистолковываемые движения, то ли приглашение, то ли извинения. Для старого человека нелегко быстро приспосабливаться к переменам, а я совсем недавно был деревенским дурачком, что распахивает рот на все, что видит, а теперь вдруг не просто знатный рыцарь, а еще и сын самого герцога.

Я осматривался, не обращая на него внимания, он хоть и старик, зато я феодал, прошелся вдоль полок, принялся к острому запаху редких трав и химикатов с загадочными названиями.

– Неплохо устроился, – сказал я неспешно, – очень даже неплохо...

– Спасибо герцогу, – ответил он поспешно. – Да-да, он... великодушен!

– Думаю, – ответил я с расстановкой, – герцог ни при чем.

Он ужаснулся:

– Как ни при чем? Он всему хозяин!

– Ты знаешь, – сказал я медленно и с угрозой в голосе, – о чем я. Леди Элинора постаралась?

Он развел руками, в глаза старался не смотреть, но теперь уже я вперил в него пронизывающий взор.

Он пробормотал нехотя:

– Ну, как сказать... откуда благородному герцогу знать о моем существовании? Зато милостивая леди Элинора уговорила хозяина дать мне помещение для работы.

– Уговорила?

– Ну да...

– Думаю, – произнес я хмуро, – герцога вообще не поставили об этом в известность. Мелочи, мол...

– Ваша светлость, – нервно сказал он, – это в самом деле мелочь!

– Не спорю, – согласился я. – Неплохое помещение тебе выделила леди Элинон. Целый завод можно разместить. А герцог в самом деле знает, что ты здесь занял все?

Он сказал поспешно:

– Благородный сэра... ваша милость... то есть, ваша светлость, здесь так много свободных комнат! Мое раздолье никого не стеснило.

– Вижу, – сказал я. – Хотя сейчас, когда варвары под стенами, можно бы заполнить крепость хотя бы воинами.

Он сказал еще быстрее:

– Сэр Мартин постоянно наблюдает за передвижениями этих дикарей! Он говорит, что наша крепость их не интересует. Они двинулись в глубь королевства. Там много богатых и незащищенных городов.

– Но если вздумают штурмовать крепость?

– Он тут же призовет из глубин герцогства воинов, – сообщил Уэстефорд.

– Вижу, – сказал я одобрительно, – ты знаешь многое из того, что наверху.

Он во вздохом развел руками.

– Умереть не страшно, ваша светлость! Но снова погибнут труды мои, вот что ужасно. Потому я помогаю сэру Мартину чем могу. Хотя могу очень мало.

– Хорошо, – сказал я, – продолжай помогать. Леди Элинон в добром здравии?

– Да, – ответил он поспешно и добавил без всякой связи: – Жаль, волшебством не занимается.

– Почему? – спросил я.

– Она была очень искусной волшебницей, – объяснил он с сожалением.

– Seriously? Не заметил.

– Не столько искусной, – поправил он себя, – как много знающей. Просто она еще не отыскала возможности воспользоваться... применить знания.

– Что делать, – ответил я. – Зато теперь хорошая жена. Не так ли?

– Да-да, – согласился он чересчур поспешно. – Герцог в ней души не чает.

Я прошелся по безразмерному помещению, рассеянно брал в руки некоторые безделушки, Уэстефорд крутился рядом и задерживал дыхание, как только я трогал что-то ценное или хрупкое, но я ничего не уронил и не сломал. Из его хлипкой груди вырвался вздох облегчения, когда я, заскучав, пошел к выходу.

– Работай, – сказал я лениво на выходе. – Бди... Обороноспособность – это... ага... важно.

Глава 10

Леди Элинор, уже предупрежденная о таком неожиданном и не самом приятном госте, все же вышла навстречу, пленительно улыбаясь, молодая и прекрасная, как весна в момент перехода к жаркому лету. Пламенно-красные волосы красиво падают на спину, зеленые ленты почти тонут в этом водопаде огня, платье ярко-голубое, из-под длинного до пола подола выглядывают носки изящных сапожек из тонкой кожи.

Я зашагал к ней уверенными шагами и выпрямляя спину, с леди Элинор нужно держать ушки на макушке, дуэль с нею всегда начинается с первой же секунды встречи.

– Леди Элинор, – сказал я громко, – счастлив вас видеть! На прекрасных женщин смотреть – высшее наслаждение. Завидую герцогу...

Она коротко улыбнулась, успев взглядом намекнуть, что в моей власти было сделать так, чтобы завидовали мне, протянула руку. Я почтительно склонился и припал губами к нежным прохладным пальцам, от которых так и веет молодостью и чистотой.

– Вы прекрасны, – сказал я, и хотя брякнул банальность, но комплименты всегда идут хорошо, даже затертые, – я готов предположить, что варвары хотят взять крепость лишь для того, чтобы завладеть вами!

Она снова улыбнулась.

– Сэр Ричард, раньше вы такие светские беседы не вели.

– Старею, – признался я. – Или, скорее, вы все хорошеете. Ну расскажите, как вы устроились в крепости? А то я чувствую некоторую неловкость...

– Вину, – произнесла она, – вы хотели сказать?

– Нет, – ответил я и посмотрел ей в глаза, – неловкость. Некоторую. Совсем небольшую.

Она ответила коротко:

– Не жалуюсь.

– А я все-таки почти переживаю, – сказал я тем же светски небрежным тоном. – Натолкнув герцога на мысль оказать вам покровительство, как оставшейся без хатки лисичке, я как бы взял на себя обязательство, чтобы эту лисичку не слишком утесняли.

Она скромно улыбнулась.

– Уверяю вас, сэр Ричард, меня никто не утесняет. Вы об этом, скажем, догадываетесь.

Я ответил вежливо и даже поклонился:

– Мне кажется, ваше расположение ко мне и ваше доброе сердце подскажут вам идею показать мне в этот раз ваши личные апартаменты.

Она вскинула брови.

– Вот так сразу? И с какой стати?.. Впрочем... почему нет?..

Я почти видел, каким огромным табуном пронеслись в ее голове самые разные мысли. Не самыми слабыми были те сценки, где я подвожу ее к постели и пробую туда затащить, а она все еще не определилась, как в этом случае реагировать, но по дороге решит и выберет самую выигрывающую линию поведения...

Я ждал, и она ответила с чарующей улыбкой:

– В самом деле, почему нет? Пойдемте, сэр Ричард! Порадуйтесь за меня.

Роскошный простор холла поразил почти как в первый раз, все-таки наши армландские замки выглядят скромными лачугами рядом с таким величием. Настоящий роскошный зал, широкие лестницы из белого мрамора с обеих сторон, в стенах ниши, а в тех статуи из такого же мрамора, сделанные с наибольшим совершенством. Ступени лестниц покрыты красной ковровой дорожкой, а середину холла занимает огромный толстый ковер, оставляя свободным место только под стенами.

Я старался не показывать, что уже отвык от изящества и красоты камня, взирал на приближающийся вход во второй зал, именно взирал, а не смотрел, смотреть и другие могут, а вот взирать надо учиться. Второй зал ошеломляет великолепием и роскошью, а еще эти деревья в кадках, от которых обалдел еще в прошлый раз. С жиру бесятся феодалы. Массивные картины сверкают золотом тяжелых рам, на полотнах битвы и охота, сражения и охота, а еще охота и турниры.

Конечно, впечатляет огромная люстра, свет яркий и солнечный, но никаких свечей, магия на марше. В прошлый раз выше первого этажа я не поднимался, но сейчас леди Элинор милостиво повела сразу наверх, где ее покои, где кровать наверняка роскошнейшая, роскошней уже не бывает...

Наконец я переступил порог, сразу окунувшись в плотное облако легких и в то же время проникающих сквозь все преграды ароматов. Ложе располагается не посреди зала, но и не в уголке, а так, изголовьем к середине стены. По обе стороны на полу огромные медвежьи шкуры, само ложе огромное, над ним массивный балдахин с пологим куполом, наверху только флажка не хватает, как на башне замка. В таких огромных залах очень неуютно в постели, даже я предпочитаю, чтобы ее отгораживали хотя бы стены из шелка.

Ложе застелено толстым одеялом, две подушки рядом, что значит, спят близко друг к другу, а то и вовсе обнимаются. Хорошо, я так и думал...

Леди Элинор следила за мной с двусмысленной улыбкой. Я прошелся вдоль стен, выглянул в окно. Леди Элинор несколько напряженно следила, как я взял с подоконника безделушку, повертел в ладони рассеянно и поставил на место. Наконец я сделал то, чего она, как понимаю, ждет: приблизился к ложу. Четыре ножки, толстые, как лапы носорога, блестят темно-коричневым лаком, резьба затейливая и очень уж тщательная, попробуй вытри легко пыль, но леди Элинор вряд ли сама ходит с мокрой тряпкой.

За спиной прошелестели неспешно легкие шаги. Я ощутил аромат легких, но пикантных духов и смутно удивился, что не слышал по дороге сюда. Или успела побрызгаться, как только я отвернулся? Хороший ход.

– И как вам мое ложе, сэр Ричард?

Голос звучит игриво, приглашающе. Даже слишком, правильнее было бы чуть пококетничать. Сделать вид, что смущена. Мы, мужчины, это любим. Застенчивость – это такое чувство, которое мы приписываем женщинам, потому что нам хочется, чтобы они хоть чего-то стеснялись. Тогда мы, действительно застенчивые, можем ощутить себя круче.

– Не великовато? – спросил я только для того, чтобы что-то сказать, и сразу же пожалел, потому что она проговорила мурлыкающим голосом:

– Вы правы, сэр Ричард... В отсутствие сэра Готфрида оно выглядит совсем великанским. Я одна на нем просто теряюсь.

Она сама вкладывала мне слова, которые я должен произнести, молодец, настоящий боец, никогда не сдастся, ну я щас вот возьму и скажу, что она хочет, как же, разбежалась.

– Да, – сказал я, – ага. Но балдахин хорош, хорош... Вы сами выбирали эту... материю?

– Да, – ответила она, – нравится? Она хорошо смотрится и снизу.

– У вас прекрасный вкус, – сказал я одобрительно, – вы всегда его демонстрировали...

Она произнесла со вздохом:

– К слову сказать, я была вами просто очарована, когда вы бросились мне на помощь... Такой непосредственный, чистый, благородный... И только ваше происхождение останавливало меня, чтобы... вы понимаете... Есть женщины, что и до конюхов опускаются в поисках удовольствий, но я никогда бы себе этого не позволила.

Я ответил, все еще не поворачиваясь, иначе встретимся взглядами, и вся наша схватка закончится раньше, чем мне бы хотелось:

– Да, понимаю. Вы правы, леди Элинор.

В моем голосе необходимая доля сухости, и леди Элинор торопливо добавила:

– И я не понимала тогда, почему ваше обаяние так велико. Не зря люди говорят, что благородное происхождение не спрячешь.

– Я же спрятал?

Она сказала так же торопливо и чуточку виновато:

– Я всегда была очень занята своими... изысканиями! Потому мало, как вы могли заметить, обращала внимания на мужчин.

– Да, – подтвердил я, – да. Барон Кассель, припоминаю, пришел по делу.

– По делу! – подтвердила она с таким вызовом, что я не выдержал и повернулся. Лицо ее покраснелось, губы вздулись, от нее идет жар и вкусно пахнет афродизиаками. – Вы же хорошо знаете, почему я тогда... приняла его!

Сейчас она стояла передо мной так, что хоть и в платье, но я отчетливо видел ее голую. Ну, не буквально, но почему-то помнил, что она там, под платьем, голая. И так же отчетливо вспомнил безукоризненную форму ее груди, и как меня тогда едва не сшиб ее мощный женский зов. Сейчас тоже ощутил его с такой силой, что подленький голосок пискнул нерешительно: а что, давай, а?

– Прекрасные покои, – сказал я другим голосом, – вы все обставили красиво, добротно и со вкусом. Не сомневаюсь, что герцог очень доволен.

Она произнесла несколько растерянно:

– Да, конечно...

Я отошел от ложа, наша схватка чревата неожиданностями, не хотелось бы, чтобы леди Элинор перегнула палку. А если сочтет, что я колеблюсь...

Она задержалась, выказав растерянность, но догнала меня у двери, я чувствовал, как перестраивает свои войска, расстроенные моим неожиданным маневром, и когда заговорила, голос звучал уже без тени смущения:

– Сэр Ричард! Я все никак не успеваю сказать, что я просто счастлива, вы сумели прорваться через лагерь варваров!

– Я тоже, – сообщил я.

– Как вам это удалось?

– Да как-то не обратил внимания, – ответил я светски. – Я вообще на пустяки мало обращаю внимания. Такой вот я возвышенный. Всегда мыслю крупными масштабами. Не мельче, чем вот этот шкаф.

– Варвары безопасны, – возразила она, – если смотреть с высокой стены. У нас стены достаточно высокие и толстые, чтобы не опасаться их войска. Они не умеют брать крепости. Но в бою, говорят, это звери.

Я улыбался, глядя в ее безукоризненное лицо, взял ее нежную лапку.

– Ради вас, – сказал я галантно, хотя после того, как отказался от попытки тащить ее в постель и попасть на крючок, это глупо, но мы многое делаем просто по инерции, – ради того, чтобы видеть вас... и поцеловать вашу руку.... такую нежную... с такой белой кожей... бархатной... теплой...

Она отняла руку, на губах появилась бледная улыбка.

– Сэр Ричард, вы знаете, когда наговорить именно те приятные слова, которые мне так бы хотелось услышать в более подходящее время, чем сейчас, когда за стенами лагерь варваров.

Я опустил взгляд, все понимает, зараза. Как и то, что в более благоприятное время я поостерегся бы произнести те слова, после которых уже нельзя отступать, а надо в постель.

– Вас это очень тревожит? – спросил я с сочувствием. – Вы же сказали насчет высоких стен...

Она вскрикнула негодуя:

– Сэр Ричард! Вы так шутите?.. Мы за спиной герцога грызлись и дрались друг с другом, но никогда не сталкивались с внешней угрозой! А сейчас, когда я осталась в крепости хозяйкой, как раз и подступили эти ужасные варвары!..

– Вы всегда отличались присутствием духа, – заметил я.

Она огрызнулась:

– Я была волшебницей! Мой замок был защищен моими заклятиями. Но вы все уничтожили!

Я подпустил в голос холодку:

– Леди Элинор... Значит ли это, что вы требуете какого-то пересмотра моих прежних решений?

Она запнулась и заговорила уже с мольбой:

– Сэр Ричард, мне страшно!.. На самом деле я очень пугливый человек. И волшебницей стала, чтобы защититься от всего-всего. Сейчас же и не волшебница по вашей воле, и варвары напали!.. Вы можете представить, как я боюсь?

Я подумал, глядя на нее пылливо, ей в самом деле страшно, это видно, но это и прекрасное средство давления на мужчин, что должны все бросить и спасти женщину, которой, видите ли, страшно.

– И что вы хотите? – поинтересовался я и сделал вид, что готов пойти на уступки. – Если, конечно, я могу, все-таки не всемогущ...

Она заломила руки, несколько театрально, но это видно только мне, я жук еще тот, сказала в отчаянии:

– Мне нужен доступ к моим вещам!

Я сделал непонимающий вид.

– Разве герцог вас в чем-то ограничил?

Она продолжала тем же отчаянным голосом:

– Сэр Ричард, вы все еще смеетесь надо мной! Причем тут герцог? Он как раз разрешил мне все! Но вы все мои вещи, которые собирала всю жизнь, упрятали в подвал и поставили сторожить своего ужасного демона!.. И велели ему убить как меня, если я переступлю порог, так и всех, а потом разрушить крепость!

Я попытался вспомнить ту кровавую резню, неразбериху, спешку, когда все менялось с головокружительной быстротой, какие-то приказы я отдавал, когда велел Мартину все волшебные вещи Элинор перевезти в крепость, упрятать в подвал поглубже и запечатать моим именем. Возможно, в самом деле брякнул что-то насчет охраны демоном, я тогда его вроде бы продемонстрировал для убедительности...

– Гм, – произнес я в задумчивости, – в самом деле, надо бы посмотреть, что там...

– Я вам все покажу!

Я сказал холодно:

– Я и сам могу посмотреть. Это ведь мои вещи. Вы не забыли? Я взял их по праву победителя. Вам не надо напоминать, леди Элинор, при каких обстоятельствах это было?

Она поблекла, увяла, на бледном лице проступило настоящее отчаяние, а в глазах угасала надежда.

– Да, сэр Ричард. Конечно, вы вправе...

Я кивнул.

– Вот и хорошо. Возможно, я изволю выбрать время и посмотреть, что там перевезли, что повредили при транспортировке.

Она вздохнула.

– Да-да, конечно. У вас много дел.

– Возможно даже, – продолжал я медленно и словно бы колеблясь, – я приглашу и вас сопровождать меня...

Она охнула, лицо осветилось счастьем, глаза зажглись.

– Сэр Ричард! Вы должны поверить, что я ни за что... никогда... не стану вредить герцогу!

Я спросил в удивлении:

– Леди Элинора, вы меня как-то странно поняли?.. Я сказал, со-про-водить!.. Но ничего руками не трогать! Почему вы решили, что я допущу вас к своим вещам... которые могут быть кому-то опасны? Человек, который боится, будет размахивать бритвой во все стороны, даже когда вокруг свои!.. Ладно, об этом потом. Что у нас сегодня на обед?

Глава 11

Обеденный зал размером с церковный, что так потряс в первый раз, яркие светильники на всех стенах, это люблю, ужин при тусклых свечах не для меня, не романтик, огромный массивный и очень длинный стол посередине, что тогда напомнил размерами дорожку для боулинга. На торце вместо строгой герцогини Изабеллы сейчас цветет улыбкой и глубоким декольте обаятельная леди Элинон. Уж не знаю, герцогиня ли теперь, но не думаю, что власти у нее меньше, чем было у леди Изабеллы.

Она улыбнулась мне сдержанно и произнесла с мягким укором:

– Что же вы опаздываете, сэр Ричард? Горячее остынет!

Я отмахнулся.

– Еще раз разогреют.

– Разогретое не такое вкусное, – объяснила она с улыбкой. – То, что предлагают, нужно брать сразу.

– Я уже не простолудин, – напомнил я с улыбкой, стараясь не делать ее слишком жесткой. – Я могу выбирать. Кстати, а где Дженифер?

Она ответила легко:

– Они с Родриго уже пообедали. Схватили десерт и умчались.

– Не дождавшись нас? – спросил я в удивлении.

Она ответила с многозначительной улыбкой:

– Они не знали, что вы придете на обед.

Я промолчал, раньше мы всегда все обедали вместе. Дженифер это знала и спешила занять место пораньше, чтобы успеть напридумывать в мой адрес побольше каверз.

Лакеи молча и без лишних движений подают на стол, я пробормотал молитву, хотя мог бы обойтись, не перед кем выпендриваться, но в то же время не стоит давать себе послабления, а то в нужный момент возьму и забуду. Мои руки механически орудовали ножом и ложкой, леди Элинон посматривала на меня часто, губы то и дело раздвигаются в самой приветливой улыбке.

– Как вам наши повара?

– Надеюсь, вы не стали менять прежних? – спросил я.

– Что вы, – удивилась она, – я не вникаю в такие мелочи!

– Прекрасно, – одобрил я, – и в том смысле, что прежние справлялись со своим делом прекрасно.

– А что еще?

– Что и вы не вмешиваетесь, – пояснил я. – Не дело благородных людей вникать в такие тонкости, верно?

Ее глаза стали серьезными.

– Вы правы, сэр Ричард, – ответила она. – Если у человека есть что-то интереснее, он им и занимается. Если нет... тогда вникает в дела и заботы черни. Вы хорошо это понимаете.

– И вы, леди Элинон, – похвалил я ее так же снисходительно и с повышенным удивлением.

Она мгновение не сводила с меня взгляда, затем опустила его в тарелку. Пару минут мы насыщались молча, подготавливаясь к новой схватке, когда даже вот так, похваливая друг друга, стараемся утвердить свое превосходство, ибо тот, кто хвалит, как бы выше хвалимого по статусу.

После холодных закусок перед леди Элинон поставили глубокую тарелку. Мои ноздри ухватили аромат налимьей ухи, что значит, повара свято чтут традиции, а леди Элинон ничего менять не стала. Мне, как и в первый мой визит, подали на широченном блюде жареного гуся,

одурающе ароматного, коричневого и блестящего, словно намазанный маслом культурист. Я ткнул его ножом, хрустящая корочка мгновенно лопнула, выстрелив сводящую с ума струйку ароматного пара, нежнейшее белое мясо обнажилось, словно не тронутое солнцем тело девственницы.

Пес, настоящий коллаборационист, смотрел то на меня, то на леди Элинон, провожая взглядом каждый кусок мяса. К счастью, леди Элинон не решила с ним заигрывать, а я, покончив с холодными закусками, взялся за гуся, располовинил и бросил одну часть зверюке, за вторую взялся сам. Леди Элинон посматривала на Бобика с бледной улыбкой. Я видел, как сжимается, когда он обращает на нее горящий багровым огнем взор, инстинктивно чуя кошатницу.

Когда она зачерпывала большой ложкой мясной салат, я поинтересовался невинным тоном:

– Кстати, как там наш красавец Адальберт?

Она запнулась, я видел, как напряглись ее плечи, вся застыла на миг, ложка с неприятным скрежетом прошлась по краю металлической тарелки.

– Адальберт? – переспросила она нерешительно.

– Ну да, – повторил я, – только не говорите, что он у вас не показывался.

Она повернула голову и смотрела в мое лицо с приклеенной улыбкой на безукоризненном лице молодой женщины, у которой нет возраста.

– Ах да, я совсем забыла... Да, он приезжал однажды. Я помогла ему с его проблемами... и он уехал.

– С той поры вы его не видели?

Она ответила, глядя мне в глаза чересчур честными глазами:

– Нет.

И голос звучал так искренне и правдиво, как всегда, когда врут очень умелые женщины.

– Гм, – сказал я, – что же это он...

– Я знаю, – ответила она уже живее, – вы его почему-то пощадили и даже посоветовали навестить меня. Но я понимаю, его присутствие вызовет недовольство герцога, потому я... отослала его.

Я кивнул.

– Понятно, леди Элинон. Спасибо за обстоятельный ответ.

Она перевела дыхание и снова улыбалась, милая и обходительная хозяйка, потчующая знатного гостя, даже в некотором роде родственника, однако напряженность чувствовалась в ее лице, движениях и даже в чарующем голосе.

– Я всегда к вашим услугам, сэр Ричард, – проговорила она щебечущим голосом. – Несмотря на вашу... некоторую враждебность, я всякий раз чувствую слабость, когда вижу вас. Женщины очень чувствительны, сэр Ричард, когда видят настоящих мужчин... Это у нас в крови. Мы не замечаем слабых, но готовы сделать все для сильных...

– Хорошее свойство, – одобрил я, – в смысле, в плане эволюции. А то чем мы хуже оленей каких-то, а то и вовсе насекомых?.. Кофейку на дорожку да пойдем посмотреть ваши сокровища?

Она вздрогнула, когда в моих руках появилась чашка с горячим парующим кофе. Я любезно передал в ее застывшие ладони, сотворил себе и с наслаждением отхлебывал, глядя, как она испуганно смотрит в черную жидкость. Улыбаясь, я сотворил ломтик сыра, невиданный в этом мире: пахнущий, с добавками, пряный, тающий во рту.

– Не могу привыкнуть, – произнесла она надтреснутым голосом. – Все-таки у вас образ человека с мечом. Сильного и жестокого! А вот, магия...

– Вот такой я многосторонний, – ответил я спесиво. – Сам удивляюсь, какой замечательный. И умный и красивый, и вообще, сам не знаю, что еще сказать.

– Да уж, – пробормотала она.

– А вот в вашем замке приходилось пить тайком, – сказал я обвиняюще.

Ее красиво вырезанные ноздри подрагивали, в глазах появилось озабоченное выражение.

– То-то запах в прошлый раз показался знакомым...

Все еще с осторожностью коснулась губами темного напитка, замерла. Я догадывался, с какой скоростью прогоняет перед мысленным взором все ингредиенты колдовских снадобий, и сказал доброжелательно:

– Леди Элинон... не мучайтесь. В тот раз не отгадали и сейчас не получится.

– Что не получится?

– Никогда не узнаете, – сообщил я, – пока не скажу. Это колдовство вообще... иного рода. Вышнее, так сказать. Только мы... Моего ранга, могут, понимаете?

– Вашего ранга?

Я кивнул.

– Когда увидите, как кто-то еще такое пьет, знайте, он достиг высших ступеней той лестницы, у подножья которой стоите вы. Просто пейте, я не желаю вам зла.

Она вздохнула, я смотрел, как допила кофе, уже не стараясь понять формулу колдовства. Я поднялся и спросил в несколько повелительном тоне:

– Пойдем?

Ее глаза сверкнули негодованием, первой должна была встать она, как хозяйка, но смолчала. Я вежливо пропустил ее вперед, хотя с такими платьями у женщин ничего сзади не рассмотришь, можно этот обычай временно отменить ввиду его бесполезности, и мы вышли из обеденного зала.

Во дворе жарко и солнечно, народу прибавилось, но чернь исчезла. Много рыцарей в дорогих и очень тщательно сделанных доспехах, каких не знает пока что Армландия. Кто-то даже в шлемах, но все сняли, когда я появился на пороге.

Воздух дрогнул, когда прогремел могучий крик:

– Ричард!

– Ричард Длинные Руки!

– Да здравствует Ричард!

– Ричарду, гроссграфу Армландии, слава!

Леди Элинон стоит рядом, зеленая от ревности, но с милостивой улыбкой на устах. Я вскинул руку, крики немедленно умолкли. Я лихорадочно думал, что сказать эдакое мудрое и красивое, я же, мать вашу, в какой-то мере уже государь, надо соответствовать хотя бы в такие моменты, когда я уже и не я, а некий символ.

– Дорогие друзья, – сказал я громко и торжественно, – и братья по нашему рыцарскому братству! Раз я появился здесь, то вы все понимаете, предстоят славные и благородные деяния, доблестные подвиги. А где подвиги, там честь, слава и богатая добыча!..

– Ура! – пронесся одинокий вопль по двору, и тут же подхватили другие глотки:

– Слава!

– Слава Ричарду!

– В бой!

– На подвиги!

Я снова помахал рукой и, дождавшись тишины, продолжал:

– Если думаете, что раскроем врата и я поведу вас на варварский лагерь, ошибаетесь! Я такими мелочами не занимаюсь. Я имею в виду такую ерунду, как уничтожение этого лагеря. Гроссграф должен мыслить... ага, вообще должен мыслить. Глобально. Потому варваров, как неожиданно выскочивший из коробки фактор, пока оставим в стороне... А вы сосредотачивайтесь, сосредотачивайтесь! Во всех смыслах.

На этот раз никаких криков восторга, на меня смотрели с бледными улыбками. Даже Мартин, который верит мне слепо и готов идти за мной всюду, озабоченно поглядывал по

сторонам. С одной стороны, я не обещаю дать отпор варварам. С другой – намекаю на нечто вообще грандиозное, а это уже пугает. Лучше бы что-то понятное. Как вот выйти, как-то преодолеть вал и ров побыстрее, а там сойтись в смертельном бою...

Я засмеялся громко и весело, не показывая, каких усилий стоит вот так стоять перед сотнями пар требовательно смотрящих на тебя глаз и ржать, как конь, когда совсем невесело:

– Задумались?.. Ха-ха!.. Нет, я не сошел с ума. И ни один человек не выйдет из ворот крепости вот так... чего от нас и ждут!

Кто-то крикнул:

– А как иначе?

– Варвары не уйдут! – крикнул другой голос.

– Они отрезали нас от всего мира!

– Торговые пути прерваны!

– Ремесленников захватили по дороге...

Я помахал рукой.

– Тихо-тихо!.. Герцогство в состоянии прокормить себя. Без пришлых ремесленников тоже как-то перетопчемся своими кадрами. Я же сказал, вы – мое войско, я не поведу вас на гибель, даже красивую и славную. Просто будьте готовы. Пошлите за своими соратниками в глубь герцогства, пусть подтягиваются сюда, если хотят принять участие в славном и благородном деле... Повторяю, ни один из вас не выйдет из ворот этой крепости, когда варвары именно этого и ждут!

Перед нами почтительно расступались, лица у всех озадаченные и непонимающие. Я улыбался загадочно, командующий не выдает секреты направо и налево. Так мы прошли к дверям подвала, Мартин вскоре догнал и, поглядывая на леди Элинора со странным выражением нервозности и злорадства, протянул мне ключи.

– Вот, сэр Ричард...

– Спасибо, Мартин.

– Сэр Ричард, – спросил он, – это правда?

Я спросил с удивлением:

– Мартин, я когда-нибудь обманывал?

– Нет, я о рыцарстве. Вы в самом деле хотите... их взять в поход тоже?

Я тяжело вздохнул.

– Мартин, людям надо дать надежду. А на самом деле я сам не знаю, что делать. Ну кто знал, что варвары именно в это время пойдут в наступление?.. Если честно, мы не в состоянии драться на два фронта. Если само королевство я рассчитывал захватить врасплох, то с варварами это не пройдет. Словом, пока не знаю... Посоветуюсь с военачальниками. Они пока не знают, что здесь все изменилось.

Леди Элинора терпеливо ждала, хоть и слегка притопывала ножкой. Мартин поглядывал на нее искоса, но обращался только ко мне, голос его оставался тверд. Я же говорю с ним, как мужчина с мужчиной, это мужской мир. А женщины пусть сидят у окошка и машут платочками. А если выйдут из высокой башни в большой мир, пусть не скулят, если им оттопчут задние лапки.

Похоже, леди Элинора хорошо понимает, чей это мир, а также понимает, когда наезжать можно, а когда лучше улыбаться и помалкивать. В тряпочку. Сейчас на ее лице безмятежное выражение, словно все так и должно быть, а как же иначе...

Я сам открыл двери, Мартин остался наверху, а мы с леди Элинорой спустились в подвал. Пахнуло холодом, но не сыро, я вздохнул с облегчением. Все стоит и лежит целехонько, расставлено в некотором порядке. Во всяком случае не навалено грудой, как можно было ожидать, я ж просто велел свезти все опасные трофеи и запереть в подвале. Хотя, конечно, разобраться

нелегко, все забито под потолок, но это не вина Мартина: у леди Элинон коллекция диковинок оказалась очень уж обширная.

Я оглянулся на леди Элинон.

– Руками ничего не трогать!

Она взмолилась:

– Сэр Ричард! Да я и не шевелюсь!

Я сказал уже мягче:

– Леди Элинон, это я для вашего же блага. Демон бдит, он может неправильно понять какой-то ваш жест или ваше губошевеление, понимаете?.. А он существо неделикатное. Сразу жрет и все. Без галантности.

Она, смертельно бледная, не шевелясь и вытянувшись как струна, прошептала:

– Я в самом деле... ничего-ничего... почему вы мне совсем не верите?

– Дык вы женщина, – ответил я мудро, – как я вам могу верить?.. В Армландии только одна была, которой можно было верить, но и ту увезли... так что лучше я буду настороже, хорошо?..

– Вам виднее, сэр Ричард.

– А здесь разных штучек больше, – сказал я, – чем в моей мудрости предполагалось.

Она произнесла с тяжелым вздохом:

– Я собирала всю жизнь.

– Говорят, – обронил я, – хомяки да сороки все тащат в свое гнездо.

– У хомяков норы, – поправила она за спиной дрожащим голосом, – это же сокровища, сэр Ричард! Как можно все вот так свалить...

– Надо было вообще все поломать, – сказал я по-хозяйски. – Это же вредное для человека колдовство!

– Не вредное, – возразила она слабо.

Я повернулся к ней.

– Вы со мной спорите, леди Элинон?

Она заломила руки.

– Нет-нет, сэр Ричард! Умоляю вас!

Я кивнул и отвернулся, чтобы она не видела моего пристыженного лица. Все-таки я ее нагнул, эти ее штуки оказались самые уязвимым местом. Надо запомнить, чем можно шантажировать, я же теперь политик.

– Это вот то самое зеркало, – поинтересовался я, – в котором мы видели вашего колдуна?

– Да-да, – ответила она торопливо. – Надеюсь, не испортилось...

Зеркало уцелело при перевозке, но выглядит мертвым, отражает лишь то, что перед ним, а раньше, как помню, мы через него видели совсем иной мир, иные помещения.

– М-да, – проговорил я, – если тот дед и заглядывал в это зеркало по дороге, куда там он ходил... то скоро отвык поворачивать голову.

Она согласилась с душераздирающим вздохом:

– Еще бы! Видеть только голую стену...

Глава 12

Она не сдвигалась с места, но едва не вывернула шею, стараясь увидеть даже самые дальние уголки подвала. Я прошелся чуть, легонько касаясь кончиками пальцев некоторых вещей. Большинство просто обломки дальней эпохи, я это чувствую, хотя и не узнаю, что чем служило, но, возможно, среди этих сотен находок есть и неизрасходованные батарейки с запасом энергии в сто ниагар, и карманные телепортеры, и всякое такое, что даже я не могу вообразить, хотя когда я развоображаюсь, то это лучше никому не показывать вовсе не из присущей мне предельной скромности.

– Леди Элинон, – проговорил я наконец медленно, – а теперь даю вам шанс признаться, где и в чем вы меня обманываете.

Она ахнула.

– Сэр Ричард!

– Не делайте такие глазки, – посоветовал я. – У вас еще есть шанс. В смысле, можете признаться и покаяться. Бить не буду ввиду праздника. И своего милосердного сердца. Или души, уж не помню, кто из них милосерднее.

– Сэр Ричард, – произнесла она потрясенно, – как вы можете? И как я рискнула бы обманывать...

– Догадываюсь, – ответил я, – как именно. Ну, последний шанс!.. Еще можно покаяться, как-то объясниться... ну?

Она покачала головой, на лице оскорбленное выражение невинной жертвы.

– Сэр Ричард, вы совершенно зря на меня такое думаете...

Я вздохнул.

– Ладно, как хотите. Я хотел по-хорошему.

– Сэр Ричард! Да в чем дело?

Я вздохнул уже совсем тяжело.

– Леди Элинон, мне было бы легче... да и вам, кстати, если бы вы перестали со мной воевать.

– Я?... Воевать?

– Хитрить, – объяснил я. – Я хоть и тупой, как вы все еще уверены, но ваши хитрости вижу, как на ладони. Женщина воюет хитростями, а вы, к моему разочарованию, все-таки женщина с головы до ног. Только ваши хитрости, увы, мне понятны.

Она спросила с тем же повышенным отчаянием:

– Сэр Ричард, где я с вами хитрю? Хоть в малой степени?

Я снова вздохнул.

– Леди Элинон... Возможно, вы так и не заходили в этот подвал. Думаю, не заходили, я не могу поверить, что сумели обольстить моего демона. Тем не менее часть ваших магических штучек сейчас в кабинете у Уэстефорда. Надо будет потщательнее проверить ваши комнаты и вашу спальню... ну вот, вы изменились в лице! Успокойтесь, я не буду рыться в вашем белье. Того, что я там увидел, достаточно.

Кровь отхлынула от ее лица. Не сводя с меня потрясенного взгляда, прошептала:

– Сэр Ричард, какие... магические штучки?

– Леди Элинон, – сказал я тем же ровным голосом, – у меня теперь такая память, что даже не знаю... Слон бы радовался, а я вот как-то призадумался, словно интеллигент какой. Они всегда задумываются, знаете ли. Даже перед новыми воротами.

Она проговорила дрожащим голосом:

– Сэр Ричард, я все еще не понимаю, что вы имеете в виду...

– Хотите, чтобы все сказал я?

– Да...

Я кивнул.

– Но этим отрежу вам дорогу к отступлению! Вы готовы?

Она заколебалась, но посмотрела на меня и сказала почти сердито:

– Да, готова!

– Неблагодарно, – сказал я, – но, правда, очень по-женски, что в какой-то мере добавляет вам очарования, но совсем не так, как вы хотели бы. Все-таки мы дур любим больше. Хорошо, леди Элинон. Получайте! Когда я зашел к Уэстефорду, я кое-что заметил у него в лаборатории...

Наши взгляды встретились, леди Элинон вздрогнула. Ответа я не ждал и продолжил:

– Эти вещи должны были быть погружены на телегу и перевезены в этот подвал. Когда вы их сумели экспроприировать? По дороге или еще как? Здесь вряд ли. Мартин бдит, да и мой демон вас бы не пощадил...

Я замолчал и вперил в нее твердый, как бревно, взгляд. Она покачала головой, но голос прозвучал совсем слабо:

– Сэр Ричард, вы так были заняты... государственными делами, что могли и ошибиться в таких незначительных мелочах... У вас столько дел, столько дел...

Я раздвинул губы в саркастической усмешке.

– Да-да, конечно. Я уже не тот ваш дурачок-слуга, верно? Трудно привыкнуть?... Леди Элинон, как я уже сказал, я не случайно напросился в ваши апартаменты. И не с целью... ну, определенной целью. Вернее, с определенной, но совсем не той, которую вы, женщины, всегда видите в любом нашем слове и жесте.

Она побледнела еще больше.

– И что вы хотели?

Лицо ее стало совсем белым. Я кивнул.

– Ага, догадались?

– Кажется, – прошептала она, – да...

– Все верно. Я осмотрел ваши покои и обнаружил массу вещичек, которые были у вас там, в вашем ныне разрушенном замке. И которые вы все еще считаете волшебными. Крупные, вроде этого зеркала, вы не смогли утащить, да и заметно было бы слишком, а всякую мелочь... мол, безделушки, это вы сумели, сумели... Кстати, интересно, вы в самом деле решили, что я напросился в вашу спальню, дабы затащить вас в постель?

Она смотрела расширенными глазами.

– Сэр Ричард...

– Вы непростая женщина, – сказал я, – но и я не такой уж простак. И то, что у вас ниже пояса, для меня не настолько важно, чтобы рискнул поставить из-за такой ерунды под удар и расположение герцога, и свою независимость... Так что мой вам совет, леди Элинон, воспринимайте меня всерьез!.. Я не ловлюсь на глубокие декольте и умело выставленную из-под платья заднюю ногу.

Она неотрывно смотрела мне в лицо.

– Сэр Ричард...

– Да?

– Но если, – проговорила она медленно, – вы сразу же не подняли крик... я имею в виду, не приняли меры насчет того, что вроде бы заметили в моей спальне...

– То я дурак?

Она торопливо покачала головой, даже попробовала выдавить слабую улыбку.

– Нет, я имею в виду, вы не сочли их опасными?

Я кивнул.

– Более того, леди Элинон...

Она в таком напряжении ловила мои слова, что когда я сделал намеренную паузу, почти сразу взмолилась:

– Да, сэр Ричард! Что?

– Более того, – повторил я с удовольствием, – они не просто безопасны. Они просто бесполезны.

Она охнула, но бледнеть дальше некуда, посмотрела на меня расширенными глазами.

– Сэр Ричард... почему вы так думаете?

– Леди Элинор, – ответил я с расстановкой и прямо посмотрел ей в глаза, – леди Элинор... Как уже сказал, я не ваш дурачок-слуга, это вы уже знаете, но и не тупой вояка с длинным мечом, кем вам меня очень хочется считать... и кем, наверное, все еще считаете. Еще не убедились, что я что-то могу и в магии?

Она вздрогнула, прошептала:

– Да, вы умеете делать этот эликсир бодрости...

– Не только, – ответил я скромно, – я многое умею.

– Теперь я понимаю... – проговорила она с трудом. – Вы нечувствительны к магии не от природы! Вы сумели защитить себя какими-то неведомыми колдунам нашего королевства заклятиями?

Я растянул губы в усмешке, врать не хочется, когда вот так на вершине триумфа, это мелко, только проговорил значительно и с расстановкой:

– Трактуйте сами, как хотите. А я подумаю, что с вами делать.

Она отшатнулась в неподдельном испуге. Голос задрожал, когда почти прошептала:

– Герцог вам не простит...

– Герцог далеко, – ответил я жестко, – а вы могли погибнуть, занимаясь своими нечестивыми колдовскими штучками. Я, увы, не успел вас спасти. Пытался... ах, как пытался!... но не успел. Появились демоны и утащили вас в ад.

Она готова была встать на колени, такой на лице отразился ужас.

– Сэр Ричард! Пощадите... Теперь я знаю, что вы не только великий воин...

Я смотрел на нее в задумчивости.

– Но как только повернусь, все-таки ударите в спину?

Она вскрикнула:

– Как я могу? Вы же узнаете об этом заранее!

Я сказал с жесткой улыбкой:

– Ну вот вы и проговорились снова. Не ударили пока потому, что либо я был далеко, либо не выбрали удобного момента. Леди Элинор, давайте честно. Как бы вы поступили на моем месте вот сейчас?

Она долго молчала, опустив взор, наконец подняла ресницы. В глазах на этот раз ни тени кокетства и, вроде бы, хитрости.

– Да, сэр Ричард, – прошептала она, – я все время... всю жизнь... стараюсь себя обезопасить. Вы знаете, мой замок на острове был самым безопасным в герцогстве. Я защитила его заклятиями так, как ни один волшебник не защищает свое жилище. У меня никогда не было мужчины, за чьими плечами я бы пряталась и чувствовала себя защищенной... и потому старалась защитить себя сама. Может быть, из-за женской трусливости, я где-то перестаралась... но мы, женщины, вообще думаем и заботимся о безопасности больше, чем вы, мужчины, которым бы только подраться, сразиться, разбить друг другу головы, а самим получить раны, чтобы потом хвастаться шрамами... Бр-р-р!

Я кивнул.

– Понимаю.

Она вздохнула.

– Вы не поверите, наверное, но все-таки по отношению к вам я не замышляла ничего недоброго. Хотя вы и разорили мое родовое гнездо и вообще стерли с лица земли.

Я спросил скептически:

– Так ли? А все эти попытки завладеть волшебными вещами?

Она сказала почти умоляюще:

– Это другое... Это моя жизнь, я люблю, обожаю в этом копаться! Но вы, сэр Ричард... вы сделали доброе дело для меня, но сами не понимаете его ценности! Я счастлива с герцогом, а это перевешивает все то недоброе, что пришло от вас. А когда герцог узнал от вас, что Родриго его сын, я была вне себя от счастья!.. И вы не представляете, как я вам была тогда... и сейчас благодарна!

Я долго думал, морщил лоб, наконец изрек:

– Я буду последним дураком, но... так как я и есть последний дурак в ряде вопросов, то поступлю совсем не так, как надо, а... вопреки и этому надо, и разуму. То есть не стану вас прямо тут давить, как вообще-то следует. Как не стану и вон там. И даже на пороге. Более того, я вообще не стану вас... нейтрализовать. Хуже того, я убираю своего сторожа из этого подвала.

Она спросила нерешительно:

– И что это значит?

Я развел руками.

– Что у вас полный доступ везде. Это ваш замок, ваша крепость!

Она помолчала, взгляд оставался неверящим, я ведь такая сволочь, могу и каверзу какую-то подстроить, наконец сказала нерешительно:

– Вы, как всегда, непредсказуемы.

– Разве?

– Для меня, – уточнила она и слабо улыбнулась. – Может быть, не для того волшебника из зеркала, с которым хотите связаться.

– Заметили? – спросил я.

Легкая улыбка наметилась на ее губах.

– Я сама очень хочу, как вы уже знаете, потому и за вами заметила... Спасибо, сэр Ричард. Вы можете не доверять мне, но я в самом деле вам не враг.

Я ответил галантно:

– Я предпочитаю, чтоб мои враги были уродливы. Если красивая женщина на той стороне – это невыносимо.

Она не сводила с меня взгляда.

– Мне кажется, – произнесла тихо, – еще важнее для вас, чтобы с вами была сильная женщина, чем красивая и слабая дурочка?

– Да, – ответил я честно. – Лучше быть сильным, но здоровым, чем больным, но бедным. В смысле, да, я иду на этот риск и передаю вам ключи от этого подвала. Хотя, конечно, ключи у вас давно есть свои, но теперь можете заходить сюда без страха.

Она сказала автоматически:

– У меня нет ключей... Ох, сэр Ричард!

– Что, – осведомился я, – вы отказываетесь?

– Сэр Ричард, не шутите так жестоко!

Она выхватила из моих рук связку ключей и чисто женским жестом спрятала за спину.

Глава 13

Солнечный свет ослепил на выходе из темного подвала. Я щурился и моргал, сгоняя с глаз слезу, за спиной гроыхала ключами леди Элинон, потом я услышал ее непривычно мягкий голос:

– Сэр Ричард... сэр Ричард...

Я обернулся. Она смотрела на меня, как мне показалось, без всякого подвоха, хотя такое думать о женщине вообще-то рискованно.

– Что?

– Спасибо, – произнесла она.

Я отмахнулся.

– Знаю, еще не раз пожалею, но... слаб я, слаб! Пока не гоюсь даже в короли, не то что в императоры.

Она не поняла горького сарказма в моем голосе, покачала головой.

– Не думаю, что пожалеете. Но я сказала спасибо по другому поводу.

Я спросил с любопытством.

– Что еще? Говорите, говорите! Я обожаю, когда меня хвалят.

Она отмахнулась.

– В этом вы не оригинальны. Все мужчины обожают, на чем и попадаютсЯ. Я не решалась вам сказать, что герцог был очень недоволен, когда вы заперли этот подвал и никому не разрешили туда входить. Все-таки хозяин в крепости герцог Готфрид...

Я покачал головой.

– Так вы больше заботитесь, чтобы герцог был всем доволен?.. Что ж, передайте мои поздравления герцогу. И скажите, что ему с вами повезло.

Она слабо улыбнулась.

– Это передам обязательно. Хотя он вряд ли поверит.

Мы вышли из подвала вместе. Я спросил запоздало:

– Почему? Вы такая зверюка?

Она сказала с некоторой грустью:

– Нет, но ему рассказали, как у нас с вами... не сложилось... И про то, что было там, в пыточной... Со всеми подробностями рассказали! У нас любят пересказывать все, что повредит другим. Даже без личной выгоды для себя пересказывают! Просто чтоб другому было хуже. Герцог из-за этого не верит, что у нас наладятся отношения. Вы такое никогда не забудете.

В ее голосе звучали тоска и безнадежность. Я поспешил наклониться и, взяв ее руку, поцеловал тонкие безжизненные пальцы.

– Помнится только факт, – сказал я тихо, – но острота испаряется... Если бы мы помнили все обиды, из-за горестей помирили бы еще в детстве. Леди Элинон, за это время столько всего падало на голову, что я в самом деле... ну, мало ли что с нами происходило? Не все нужно помнить. Даже если оно из головы не вылезает.

У входа в донжон я остановился, она шагнула через порог, оглянулась с некоторой тревогой.

– Вы не проводите меня?

Я развел руками.

– Надо к своим. Слишком многое свалилось, как уже сказал, на мою голову... А еще и эти варвары! Кстати, что-то я подзабыл, что вы сказали насчет Адальберта... Как он вообще?

Она запнулась, плечи напряглись, но повернулась в мою сторону быстрее, хотя спросила с прежней настороженностью:

– Адальберт? А что может быть с ним?

– Он был вам так верен, – напомнил я. – Неужели вы отослали его от себя?

Она ответила светлым чистым голосом безгрешного ангела:

– Да, представьте себе. Отослала.

– Из-за любви к герцогу?

Она кивнула.

– Конечно. Из-за чего еще? Он был преданным слугой, мне было с ним жаль расставаться.

Мы оба смотрели друг на друга, как через щели стальных шлемов с опущенными забралами. Я проговорил с расстановкой:

– Леди Элинор, я ни на миг не сомневаюсь, что вы послали его куда-то за какими-то штуками. Если соворете и в этот раз, мое слабенькое доверие к вам рухнет вовсе. А это чревато боком.

Она поколебалась, в глазах страх сменялся недоверием, надеждой, снова мелькал испуг, наконец проговорила тихо:

– Простите, сэр Ричард, но... я не могу без своих занятий. Я обрела долгожданное счастье, в которое уже и не верила, когда герцог явился на руины моего замка и подхватил меня в седло... однако мне скучно вышивать, перемывать кости соседям, разбирать ссоры челяди! Я чувствую, как много потеряла, когда вы лишили меня возможности заниматься волшебством.

– Понятно, – сказал я с сочувствием. – И когда появился Адальберт...

– Вы угадали, – ответила она тихо. – Я воспользовалась случаем послать его за некоторыми ингредиентами... В общем, он все так же работает на меня, только старается не показываться на глаза.

– Где он сейчас?

– Я отправила его к варварам, – ответила она.

– За чем-то особо ценным?

– Да нет...

– А за чем?

Она слабо улыбнулась.

– На этот раз я попросила его вообще собирать все, что покажется волшебным или древним.

Я покачал головой.

– Значит, вы ни на минуту не оставляли свои занятия? Удивительная вы женщина, леди Элинор. Вам даже семейного счастья мало...

– Мало, – ответила она.

Мы некоторое время смотрели друг на друга, я вдруг ощутил, что вот теперь между нами в самом деле не осталось недоговоренностей. Она смотрела снизу вверх, как на более сильного, как на могущего сокрушить ее, но на этот раз в ее глазах было спокойствие.

– И отступить вы не станете, – сказал я. – Это для вас важнее жизни. Удивительная вы... Герцогу повезло. Сильному человеку – сильная женщина. Я начинаю уважать вас, леди Элинор. Ладно, мы уже вроде бы заключили пакт о ненападении? Я думаю, герцог не будет слишком против ваших занятий колдовством, если сумеете поднести ему это не как серьезное увлечение, а как блажь, как прихоть, как женское баловство...

Она слабо улыбнулась, когда я снова взял в руку ее тонкие пальцы и, чуточку склонившись, поднес к своим губам, продолжая смотреть ей в глаза. Она не отвела взгляд, на этот раз сказано все, карты раскрыты, камня за спиной нет.

– Я еще вернусь, – пообещал я.

Конюхи вывели Зайчика, он на ходу с жутким лязгом пережевывает что-то металлическое, морда довольная, хвост трубой. Я вставил ногу в стремя, со стены спустился Мартин, злое лицо быстро разглаживалось, заговорил, оправдываясь:

– За этими степняками нужен глаз да глаз!..

– А стражи на что? – поинтересовался я.

– Молодые, – объяснил он, – не все заметят. Отбываете?

Я поднялся в седло, из-за пристроек выбежал Бобик, пузо отвисает чуть не до земли, глаза масляные. Зайчик презрительно фыркнул, Бобик виновато завил хвостом.

– Мартин, – сказал я, – крепость варварам не взять, это понятно. Но блокируют вас – это неприятно. Конечно, у вас полная автаркия, но... гм... да и герцог по возвращении может попасть в плен. Ладно, мы эту часть в любом случае удержим.

– Герцога не забудьте перехватить, – попросил Мартин.

– Да, конечно, – пообещал я. Увидел его лицо, спросил с подозрением: – Надеюсь, ты не думаешь, что таким путем хочу стать герцогом?

Он отшатнулся.

– Сэр Ричард, как можно? Я только боюсь, что когда столько дел, за всем не уследите!

– А помощники на что? – удивился я. – Мартин, я такой хитрый гад, что все стараюсь переложить на чьи-то плечи!.. А сам остаюсь только руководителем или даже пальцеводителем, а также пальцеуказывателем, пока это еще прилично. Я не ты, за моими плечами та-а-кая школа...

– Что нам ждать? – спросил он напрямик.

– Просто ждите, – посоветовал я. – Честно говорю, Мартин, эти степняки все перепортили. Мне надо поговорить со своими людьми. Извини, даже не знаю, что и сказать пока...

Ворота тихонько приоткрыли, мы с Зайчиком и Бобиком протиснулись в щель, сзади сразу же захлопнулись створки и загремели запоры. На стены высыпали все лучники, готовые поддержать меня сверху, но я снова вошел в личину исчезника и пронесся вдоль стены. Рядом мчался Бобик, искательно поглядывая на меня разгорающимися красными глазами.

Перемахнули ров и вал. Я все еще не показывал полную скорость Зайчика, в лагере поднялся шум, за спиной я услышал грохот копыт и ужаснулся скорости, с которой за мной организовали погоню.

Мимо пролетела стрела, я оглянулся, охнул: за спиной во весь опор скачут кентавры!

– Зайчик, – шепнул я тревожно, – прибавь!..

Он опустил голову, я поспешно зарылся лицом в гриву. Стук копыт участился, перешел в громкий шелест. Через несколько минут я начал придерживать арбогастра, зато Бобик унесся вперед, раз уж нельзя подрасться.

Ужасающая громада Хребта приближается быстро, горные кряжи и гребни не пронесли мимо, а просто вжикнули. Ветер свистит в ушах, я привычно направил Зайчика в сторону Тоннеля, но впереди выросла шеренга людей с выставленными навстречу копытами.

– Стой! – завопил я.

Зайчик остановился, а я вцепился руками, ногами, зубами и всеми фибрами за все, за что сумел, чтобы не слететь через голову, как гордая птица, копытеносцам под ноги... а то и на выставленные копыта.

Бобик сел на задницу и с интересом смотрел то на встречающий нас частокол, то на меня. Я поднял голову, кровь прилила к лицу с такой силой, что щиплет кожу.

– Хорошо бдите! – похвалил я громко и выдавил из себя слабую улыбку. – Молодцы. Хвалю.

– Это вы, ваша светлость! – выдохнул один копытеносец с облегчением. – Быстро же вы... мы едва успели поднять пики!

– Но успели, – сказал я трясущимся голосом, сердце трепыхается от мысли, что мог бы вломиться, как лось в камыши. Зайчик, может, и уцелеет, у него шкура крепкая, а меня проткнули бы, как жука булавами. – Хорошо службу несете.

– Стараемся, ваша светлость!

Я привстал на стременах, оглядывая передовой отряд. За ними еще копейщики, ратники и множество лучников. Пешего войска так много, что почти не видно под ними каменистого плоскогорья. Еще сутки им понадобятся, чтобы спуститься в долину и напороться на варварский лагерь...

– Ждите здесь, – велел я. – Все предыдущие приказы отменяются.

– Как скажете, ваша светлость, – откликнулся копейщик. – Вы старший... А вот и господин Максимилиан скачет!

Из-за гребня выметнулись с звонким цокотом копыт с десятков легких всадников. Во главе Макс, за ним трепещет белое с красным крестом знамя, белые плащи реют за плечами, кони идут с веселым храпом, еще не устали.

Макс отсалютовал на ходу. Я демонстративно обнял, не давая покинуть седло, сказал громко:

– Макс, ты сам без подсказки выбрал самое верное решение!.. При умелом руководстве именно пехота будет решать исход сражений. Из тебя выйдет умелый полководец!

Он покраснел от удовольствия, как юная девушка, воскликнул польщенно:

– Спасибо, сэр Ричард! Вы очень добры...

– И твоя роль будет расти, – продолжал я так же громко, не столько для Макса, как для его окружения, с Максом будут расти и они. – А пока слушай сюда. Обстоятельства за это время резко изменились. Я должен собрать совет лордов, дело слишком важное.

Он взмолился:

– Хоть намекните!

– А тебя не будет на совещании?

Он сказал тем же молящим голосом:

– Сэр Ричард, как я могу оставить свое войско хоть на час? Мы уже, подумать только, по ту сторону Хребта! Мог ли я мечтать о таком?

– Ты прав, – сказал я быстро. – Ладно. Дело в том, что мы планировали иметь дело только с забугорцами. И то многие сомневались в успехе, ты помнишь. Но сейчас, неожиданно для всех нас, степные варвары начали большое наступление. Если спуститься в долину, напоретесь на лагерь варваров. Они перекрыли дорогу из Брабанта. Потому держитесь тихо, разведчиков далеко не посылайте.

Макс посерьезнел, лицо вытянулось. В глазах проступила тоска, как у всякого мужчины, у которого отбирают самое ценное.

– Неужели придется возвращаться?

Я сказал горько:

– Боюсь, да. Во всяком случае, наши блестящие планы нарушены грубо и безжалостно.

Глава 14

Перевалив небольшой каменный гребень, я увидел, как во вставшей дыбом земной коре, оранжевой от солнечных лучей, мрачно и таинственно темнеет черная дыра Тоннеля. С обеих сторон долина цветет красными, оранжевыми, зелеными и синими шатрами. Везде костры, пахнет жареным мясом, бараньей похлебкой, гречневой кашей. Все движется, бурлит, гремит, трещит, переливается как всеми красками, так и формой.

Единственный шатер красного цвета – мой, к тому же весь расшит золотыми львами, грифонами и драконами. Варварски пышно и кричаще, зато всяк гонец не блуждает по лагерю с расспросами, а издали видит, куда надо гнать коня. Остальные шатры даже в размерах поменьше. Я сперва протестовал, мы же рыцари, а это значит, равны, но мне убедительно доказали, что большой шатер – не для бесчинств и прочих утех, в обязанности гротсграфа входит проводить советы.

На холме на высоких шестах гордо реют знамена могущественных лордов, что привели войска своих земель. Страшное и величественное зрелище, когда сотни полотнищ трепещут под резкими порывами ветра. Чуть ниже знамена лордов помельче, а на уровне вскинутой руки располагаются знамена малых лордов, но всем сразу бросается в глаза самое высокое – красное знамя со всякими чудовищами, а также странным для рыцарей знаком, в котором знатоки узрели нечто особо древнее.

Вокруг шатра со знаменем горят жарко костры, а часовые даже за трапезой держат оружие под рукой и всматриваются в каждого проходящего мимо с понятным подозрением. Знамя – символ, божественный знак. Знамя нельзя даже уронить на землю, тем более – дать захватить или выкрасть врагу.

Навстречу мне бросились гонцы и глашатаи, я скомандовал быстро:

– Экстренное совещание!.. В моем шатре. Всем лордам и командирам отрядов прибыть сейчас, никаких отсрочек.

Я успел напиться холодной воды из горного ручья, когда шатер начал заполняться моими военачальниками. Граф Ришар явился в числе первых, всячески демонстрируя, что глава не только Армландии, но и похода – Ричард, а он всего лишь руководит начальной фазой вторжения. Пришли Растер, Альбрехт, Митчелл, Альвар Зольмс, Рейнфельс и прочие военачальники, а также отец Дитрих, представляя в своем лице всю церковь.

Пока усаживались на лавках, я торопливо подбирал слова и не мог отыскать нужные. В шатре стало тесно, а теплый воздух от нашего дыхания нагрелся.

– Ситуация изменилась, – заговорил я нервно. – Господь посылает нам дополнительные испытания! За это время степные варвары сами решились на великое наступление. То ли у них Атилла появился, то ли Чингисхан, но они, бесчисленные, как волны океана, пошли на завоевание последней трети королевства!

Наступило гробовое молчание, кто-то нахмурился, кто-то побледнел, но у всех в глазах я видел обреченное выражение: все погибло. Наша многообещающая затея рухнула.

– Варвары пошли мимо Брабанта? – уточнил Ришар. – В глубину Сен-Мари?

Он держался прямо, седые волосы все так же красиво падают на плечи, изрезанное шрамами лицо жутковато красиво и величественно, однако и в его глазах я видел, что все потеряно, надо возвращать войско в Армландию.

– Не знаю, – признался я. – Может быть, снова удовольствуются богатым выкупом. Может быть, отхватят еще кусок территории. Не знаю. Зато я видел большой военный лагерь варваров. Там несколько тысяч воинов. Все – конные.

Граф Ришар спросил сурово:

– В каком состоянии их наступление?

– Не знаю, – ответил я виновато. – Я сразу проехал к крепости герцога Готфрида...

– Пропустили?

– Да, – ответил я, – конечно, а как же... Неважно, что не хотели... Словом, крепость им не взять, но перекрыли вход-выход, еще и вырыли глубокий ров. И насыпали вал, конечно.

– Это значит, – заговорил Ришар медленно, – на приступ идти не собираются. Задуть осадой герцогство тоже нельзя... Значит, основное войско двинулось в глубь королевства...

– Похоже на то, – согласился я. – Перед крепостью ров для того, чтобы не ударили в спину.

Барон Альбрехт произнес в размышлении:

– Появление варваров меняет многое. Мы не готовы воевать на два фронта. Что мы знаем об этих степных дикарях?

– Ничего, – ответил я коротко.

Он поморщился.

– Трудно воевать с теми, кого не знаешь.

– Кое-что можем узнать у местных, – сказал я, – но, думаю, тоже немного. Разве что у военачальников Сен-Мари, которые с ними воевали.

Сэр Растер проревел раздраженно:

– У тех, кто постоянно отступал?

Я предположил:

– Возможно, нынешнее поколение забугорцев не воевало вовсе. Мне кажется, вся их война – это возведение стен все выше и неприступнее. Нашествие варваров разбивается о них, как волны о гранитный берег.

– Волны точат берег, – напомнил Альбрехт. – Пусть медленно, но, увы, точат. Королевство рано или поздно падет.

Совещались день, вечер и всю ночь напролет. Под утро я уже чувствовал, что рушится не только идея захвата королевства Сен-Мари, но зашаталось и мое гроссграфство. Сама по себе идея напасть на обширное и богатое королевство по ту сторону Хребта достаточно безумна, успех может быть, а может и не быть. А если успеха не будет, неминуем разгром, если не успеем унести ноги обратно через Тоннель. Хуже того, если разъяренные варвары устремятся в погоню, позабыв или наплевав на то, что я могу обрушить свод в любой момент...

И вот когда убедятся, что это был блеф, ничто не спасет ни Армландию, ни Фоссано, да и другие королевства, от армии степных уродов. Само нападение на Сен-Мари – опасная авантюра, но если сражаться еще и со степными варварами, что захватили две трети королевства, и у которых сейчас как раз наибольшее войско...

Утром примчался расстроенный гонец.

– Сэр Ричард, сэр Ричард!.. Экстренное сообщение!

– Говори, – велел я, чувствуя приближение беды. – Говори, здесь все свои.

Гонец проговорил расстроенным голосом:

– Граф Андерот и барон Жарнак Легри подняли свои отряды и повели обратно в свои земли. Собираются уходить войска барона Комтура и Лабарда... Возможно, уйдет граф Инкризер, у него сейчас совещание с вассалами...

В мертвой тишине граф Ришар проговорил хмуро:

– Достаточно разумно. Они сделали то, что многие уже готовы сделать, ждут только момента. Но лучше, когда это сделаем по общему решению. Я бы хотел выслушать всех и все варианты.

Я напился такой ледяной воды, что заломило зубы, но рассеять туман в черепе не помогло, велел вылить кувшин на голову и в таком виде вошел в шатер. На меня оглянулись с недоумением и брезгливой жалостью, мокрые мы всегда почему-то смотримся крайне гадко.

Я чувствовал, что пора давать отмашку, но язык не поворачивается сказать, что обосрались по-крупному, все наши приготовления напрасны... и пока оглядывал их угрюмые и разочарованные лица, мелькнула яркая, как вспышка молнии, почти безумная мысль.

– Погодите, – сказал я медленно, – погодите... Есть одна идея...

Граф Ришар поднял голову, под глазами темные мешки, в глазах смертельная усталость. В напряженной тишине только сэр Растер рыкнул довольно:

– Давайте, сэр Ричард, не тяните! Я знаю, что-нить да придумаете!

– Спасибо за доверие, – сказал я торопливо, страшась забыть, – а идея такая... Я понимаю, герцогство можно, как говорится, и не освобождать. Там, по сути, не замечают какой-то осады. Бранант и так почти не общается с остальным королевством. Своих дел и разборок хватает. А прокормиться со своих полей достаточно легко. Он и так зерно не закупает... Так что мой отец не обидится, если тихонько отступим обратно и закроем за собой вход в Тоннель. Да так, чтобы никто о нем и не узнал...

Ришар кивнул.

– Да, пока еще можем сохранить тайну. А использовать его для разведки... и тайных операций.

Я задумался, укладывая мысли, Растер прорычал нетерпеливо:

– А что с захребетьем?

Я развел руками.

– Давайте подумаем, что обнаружим, если вдруг все же решимся спуститься с горы и напасть на лагерь? Да, варваров разобьем. Это понятно, они с этой стороны нападения не ждут... Они вообще нападения не ждут!.. Дальше, если идти в глубину королевства, увидим... перед каждым городом и крепостью шатры кочевников? Ни они не могут взять укрепления, ни защитники не могут выйти и разогнать сброд... Кочевники чувствуют себя хозяевами положения, жители городов в отчаянии. И вот тут появляемся мы...

Граф кивнул.

– Кочевники разворачиваются и бросаются в атаку. Но даже если победим.

– Разобьем! – прорычал Растер.

– И что? – спросил Ришар холодно.

– Как что? – удивился Растер. – Разве этого мало?

– Победить в сражении, – бросил Ришар брезгливо, – еще не выиграть войну. В осаждаемые крепости и города нас все равно не пустят.

– Пустят, – возразил я убежденно. – С радостью. Тут же распахнут врата, как только нас увидят! А то и сами выйдут помогать бить варваров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.